

3.4
69
45323

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

**Е.П. МИХАЙЛОВ
Н.С. БЕРЕЗИНА
Н.С. МЯСНИКОВ**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ**

к-075323

1990

Авторы	С. С. Смирнов
Название	С. С. Смирнов
Издательство	С. С. Смирнов
Год издания	1990
Место издания	С. С. Смирнов
Количество страниц	С. С. Смирнов
Цена	С. С. Смирнов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

К 63.4 -

М 69

Научные доклады
Выпуск 22

Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, Н.С. Мясников

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2015 год

Чебоксары 2015

УДК 902.2

ББК 63.4 8(2.Рос.Чув)-4

М 69

К 63.4

Научный редактор Г.А. Николаев

Михайлов Е.П.

Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения / Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, Н.С. Мясников; науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары, 2015. — 64 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 22).

В докладе дан анализ развития чувашской археологии с выделением периодов и оценкой их итогов, обоснованием актуальности научных проблем, требующих углубленного изучения.

Проверено 28 АПР 2017

К-45323

Национальная библиотека
Чувашской Республики

© Е.П. Михайлов, Н.С. Березина,
Н.С. Мясников, 2015

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Археологические памятники составляют значительную часть гуманитарного наследия человечества. Они занимают одно из ключевых мест в историческом познании и нередко являются единственными источниками, позволяющими пролить свет на тот или иной период развития человеческого сообщества. Особенно это актуально для изучения средневековой и древней истории.

Задача данного доклада – освещение основных вех в развитии чувашской археологии, оценка их итогов, отнесение актуальных научных проблем, требующих углубленного изучения.

Становление археологии Чувашского Поволжья как сравнительно молодой науки шло в русле развития российской и мировой археологии – от получения общего представления о прошлых эпохах до многомерных их качественных характеристик. Исследовательские задачи изменялись по мере накопления научных знаний о древности, совершенствования и появления новых методов археологии и смежных научных дисциплин, изменения политической и экономической ситуации в стране.

В истории археологии Чувашского Поволжья можно выделить четыре этапа. Первый этап (середина XIX в. – 1921 г.) отмечен хаотичным собиранием древностей края. Второй этап (1921–1956 гг.) знаменуется началом систематических научных исследований. В этот период складываются первые представления о древних периодах истории края, о бытовавших здесь археологических культурах. Третий этап связан с созданием Чувашской археологической экспедиции и охватывает отрезок времени с 1956 по 1990-е гг., когда происходит интенсивное накопление археологических данных, ведется подготовка местных научных кадров. Перед археологами встает задача исследования этапов формирования чувашского народа. С рубежа XX–XXI вв. начинается четвертый, современный этап.

АРХЕОЛОГИЯ ЧУВАШИИ: ВЕХИ РАЗВИТИЯ

Первый этап. Это время разрозненных и бессистемных изысканий, когда был открыт и описан ряд памятников археологии. Первые сведения об археологических памятниках Чувашии появились во второй половине XIX в. в казанских периодических изданиях и в трудах Казанского статистического комитета¹. Созданное после 4-го Всероссийского археологического съезда в Казани (1877) Общество археологии, истории и этнографии (ОАИО) при Казанском университете сыграло на данном этапе главную роль в изучении объектов древности Поволжья. В «Известиях» ОАИЭ были изданы статьи по археологии Чувашии казанских ученых И.А. Износкова, А.А. Штукенберга, П.И. Кротова, М.М. Хомякова, а также местных исследователей В.К. Магницкого, И.Я. Зайцева, Н.А. Архангельского и И.Д. Никитина (Юрчки)². Археологическое изучение края проводила и Симбирская губернская ученая архивная комиссия³. В фонды музеев Казани, Симбирска, Петербурга, Москвы, Хельсинки и др. попадали древние предметы из случайных находок и сборов, обнаруженных на территории Чувашии.

Согласно сохранившимся сведениям, имели место небольшие раскопки на позднесредневековом могильнике Каршлах и курганах около д. Кадикасы (ныне Моргаушский район), а также на городище у д. Катергино (ныне Козловский район)⁴.

Второй этап. Научные экспедиции в 1920–1940-х гг. возглавили ученые, приглашенные из ведущих исследовательских центров страны (Ленинграда, Москвы, Казани), – В.Ф. Смолин, П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков, О.Н. Бадер, А.Я. Брюсов, М.С. Акимова, О.А. Кривцова-Гракова, А.П. Смирнов. Часть экспедиций была инициирована и организована Обществом изучения местного (Чувашского) края, Чувашским центральным (с 1937 г. краеведческим) музеем, ЧНИИ.

В 1926–1927 гг. проведенные Средневолжской экспедицией ГАИМК (П.П. Ефименко) раскопки памятников каменного, бронзового века, раннего железного века, Средневековья и Нового времени позволили наметить первую схему смены культур и эпох в Чувашии⁵. Изданные в 1948 г. в ЧНИИ книги П.Н. Третьякова и А.П. Смирнова

явились первым обобщением и осмыслением археологии Чувашского Поволжья⁶.

Археологические исследования этого этапа ознаменовались открытиями мирового масштаба. Раскопки Абашевского*, а затем и других курганных могильников позволили описать неизвестную до этого культуру бронзового века, получившую название «абашевская». Раскопки Атликасинского кургана П.Н. Третьяковым (1930) положили начало изучению памятников фатьяновской (балановской) культуры. Изучение погребений Балановского могильника позволили О.Н. Бадеру выделить балановскую культуру. П.Д. Степанов открыл поселения балановской (фатьяновской) культуры.

Открыты и исследованы верхнепалеолитическая стоянка Уразлинская «Улянк», Яндашевская мезолитическая стоянка. Впервые раскопаны захоронения и поселения срубной культуры бронзового века в южных районах Чувашии. П.П. Ефименко, В.Ф. Смолин, П.Д. Степанов исследовали десятки городищ и селищ раннего железного века в Чувашии. Наиболее значимыми исследованиями памятников I тысячелетия н.э. явились раскопки древнемордовского Иваньковского могильника в Ядринском Посурье. Несмотря на огромный интерес к памятникам Волжской Болгарии, памятники X–XIV вв. исследовались слабо. В 1927 г. СВЭ ГАИМК разведочными раскопками исследовала Большетаябинское городище, а также несколько болгарских селищ. Лишь в 1948 г. А.П. Смирновым были проведены раскопки Большетаябинского городища и одновременно с ним могильника.

С первых экспедиций 1920-х гг. В.Ф. Смолин, П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков придавали большое значение исследованию могильников XVI–XVIII вв. Раскопаны десятки погребений в южных, северных и северо-восточных районах Чувашии, в том числе с сохранившимися на то время арабографичными надгробными камнями. В 1949–1950 гг. антрополог М.С. Акимова продолжила раскопки дохристианских могильников чувашей⁷. Селища, культурный слой городов, святилища, производственные объекты позднего Средневековья и Нового времени до 1956 г. в Чувашии практически не исследовались.

* Библиографию археологического изучения всех упоминаемых в работе памятников см.: Археологическая карта Чувашской Республики : в 3 т. – Т. 1. – Чебоксары, 2013. – 304 с.; Т. 2. – 2014. – 312 с.; Т. 3. – 2015. – 367 с.

Вопросу этногенеза чувашей были посвящены сессии АН СССР и ЧНИИ (1950, 1956), где были выдвинуты концепции об автохтонном и болгарском происхождении чувашского народа. На сессиях была отмечена важность археологического изучения территории Чувашии и необходимость создания Чувашской археологической экспедиции (ЧАЭ)⁸.

Третий этап. Создание в 1956 г. Чувашской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова явилось переломным событием в развитии археологической науки в республике. Началось системное обследование территории. В первые четыре года работали по 3–4 отряда, каждый из которых специализировался на изучении определенной эпохи. Результаты работ ЧАЭ оперативно публиковались в сборниках ЧНИИЯЛИЭ⁹, изданиях Института археологии АН СССР¹⁰. Первая половина 1960-х гг. ознаменовалась появлением крупных обобщающих работ: «Железный век Чувашского Поволжья» (А.П. Смирнов; Чебоксары, 1961), «Балановский могильник» (О.Н. Бадер; Чебоксары, 1963), «Происхождение чувашского народа» (В.Ф. Каховский; Чебоксары, 1963; 1965), «Городецкая культура» (А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова; Чебоксары, 1965).

В этот период были проведены масштабные раскопки памятников абашевской, балановской и срубной культур, выявлены и изучены неизвестные до этого памятники поздняяковской и приказанской культур бронзового века. Проведены масштабные раскопки городищ и селищ РЖВ и раннего Средневековья (I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.). Все изученные городища Н.В. Трубникова и А.П. Смирнов относили к городецкой культуре. Открыты и исследованы могильники I тысячелетия до н.э., отнесенные к ананьинской культуре РЖВ, и древнемордовские захоронения I тысячелетия н.э.

Полевые исследования болгарских памятников стали целенаправленными. Отрядом ЧАЭ под руководством Г.А. Федорова-Давыдова проведены раскопки на Тигашевском и Большетаябинском городищах, открыты болгарские селища, изучены клады золотоордынских монет. В.Ф. Каховским исследованы десятки болгарских памятников, в том числе городище Хулаш в Татарстане¹¹. Не ослабевает интерес к дохристианским чувашским могильникам XVI–XVIII вв. Несколько сотен погребений этого времени изучены Н.В. Трубниковой, В.Ф. Каховским, Б.В. Каховским, Г.И. Дроздовой и др.

В конце 1960-х и в 1970-х гг. были проведены масштабные археологические раскопки в исторической части г. Чебоксары, которые перевернули сложившиеся до этого представления о ранней истории

города и позволили говорить о его существовании на рубеже XIII–XIV вв. Материалы раскопок были опубликованы в монографии «Средневековые Чебоксары» (Ю.А. Краснов, В.Ф. Каховский, 1978).

Четвертый этап. Четвертый этап начинается с конца 1990-х гг., с экспедиций Чебоксарского отделения РАО и естественно-исторического общества «Тетта incognita» и с создания в 2001 г. отдела археологии в ЧГИГН.

Основным отличием этого этапа стало целенаправленное изучение каменного века Чувашского Поволжья. Под руководством Н.С. Березиной на левобережье Волги было выявлено более 30 стоянок, проведены раскопки стоянок мезолита и энеолита. Открыта и исследована первая стоянка финального палеолита с каменными орудиями Шолма I. В 2006–2012 гг. в Алатырском Присурье совместной экспедицией археологов Чебоксар, Самары, Ульяновска, Пензы, Казани, Москвы открыто и исследовано раскопками более 20 памятников каменного века, энеолита, эпохи бронзы и Средневековья¹².

Памятники эпохи бронзы в эти годы изучались эпизодически. Работы предыдущих этапов заложили основу, которая позволила провести в Чебоксарах международную научную конференцию, посвященную изучению абашевской культуры на современном этапе. Результатом стал сборник научных работ «Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие» (Чебоксары, 2003). Накопленные материалы позволили интернациональной группе археологов создать реестр всех известных на современном этапе каменных топоров балановской культуры, найденных на территории Чувашской Республики¹³.

Были открыты новые и изучены выявленные ранее памятники I тысячелетия н.э. древнемордовской культуры, именковской культуры и так называемые «позднегородецкие» памятники севера Чувашского Поволжья.

Перед археологами встала задача исследования средневековых памятников, в том числе древнечувашских и болгарских, на современном уровне. Раскопками и археологическими разведками выявлены и исследованы селища домонгольского и золотоордынского периодов на территории республики и за ее пределами. Впервые археологи приступили к изучению культовых памятников: святилищ, киреметей, мест приношений.

2000-е гг. отмечены относительно масштабными охранными исследованиями культурного слоя в Чебоксарах. На Западном косогоре (бывшая территория Чебоксарского кремля) выявлен большой мате-

риал XIII–XIX вв., обнаружен древнейший некрополь погребений второй половины XVI–XVII в. Были проведены раскопки в г. Алатырь, где выявлены оборонительные сооружения, обнаружено место дома воеводы.

Важным достижением этого этапа стало широкое сотрудничество с археологами из соседних регионов, создание совместных проектов и экспедиций, проведение межрегиональных исследований.

Определенным итогом работы археологов на этом этапе стал выход в свет «Археологической карты Чувашской Республики», где опубликованы сведения о 3228 памятниках. Это первое издание энциклопедического характера, являющееся полным сводом археологического наследия республики.

За полутора вековую историю археологических работ в Чувашском Поволжье открыты и исследованы сотни памятников. Эта история отражена в работах В.Ф. Каховского, Б.В. Каховского, Е.П. Михайлова и др.¹⁴

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Археология каменного века. Археологические исследования, проводившиеся на территории Чувашии со второй половины XIX в., носили эпизодический характер. С началом научных исследований в 1920-х гг. перед археологами встала задача формирования представлений об археологических культурах, бытовавших на территории на разных этапах каменного века. Важнейшим открытием этого периода стали раскопки в 1927 г. под руководством П.П. Ефименко мезолитической стоянки у с. Яндашево. На долгие десятилетия Яндашевская стоянка стала единственным изученным памятником мезолита в Чувашии и Среднем Поволжье. Эти материалы дали представления о кремневой индустрии периода, переходного от палеолита к мезолиту¹⁵.

Большое значение для археологии Чувашии и палеолитоведения России имели раскопки в 1936 г. Улянской палеолитической стоянки, которая являлась самой северной из всех известных к тому времени в Чувашии и самой восточной в европейской части СССР. Специалисты ГИМ А.Я. Брюсов и Г.А. Бонч-Осмоловский на глубине около 6 м обнаружили следы верхнепалеолитической стоянки – кострищный слой с многочисленными обломками костей древних

животных. Каменных артефактов ими обнаружено не было. На основе изучения геологических условий исследователи отнесли этот памятник к середине верхнего палеолита.

Обнаружение Улянской стоянки вызвало интерес в научной среде. В 1957 г. в Чувашию направляется палеолитический отряд Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.О. Бадера и В. Пушкарского, которым был пройден маршрут по рекам Аль, Норваш, Сугутка, Нижарка, Кубня, обнаружены кости четвертичных животных, но памятников палеолита не было найдено. Тем не менее, по мнению Н.О. Бадера, «обследованный район заслуживает большого внимания, т.к. из всех осмотренных пунктов здесь находки фауны особенно обильны и залегают в интересных стратиграфических условиях и вероятность наткнуться на остатки палеолитического времени в этом месте больше всего»¹⁶. Вопрос обнаружения и изучения памятников палеолита оставался открытым.

Представление о каменном веке края было расширено обнаружением новых памятников сплошными археологическими разведками 1960–1990-х гг. по берегам рек Волга, Сура, Малый и Большой Цивиль¹⁷. Однако эти работы носили разведочный характер. Без опорных, изученных раскопками памятников разведочные материалы не позволяли составить научную картину этого периода. Практически все открытые археологами памятники – более 30 стоянок неолита – были отнесены к балахнинской культуре. Последняя была выделена О.Н. Бадером и М.В. Воеводским в 1935 г. на основе нижеокских материалов в окрестностях г. Балахна. А.Х. Халиков также относил средневолжские памятники к ареалу распространения балахнинской культуры¹⁸. Работами В.П. Третьякова был выделен средневолжский вариант памятников с ямочно-гребенчатой керамикой (в бассейне Волги, от Казани до Горького), отличающийся от балахнинских¹⁹. Признавая обширную территорию племен с ямочно-гребенчатой керамикой, однако большинство исследователей находит их культурное единство с центром в области льяловских племен в Волго-Окском междуречье²⁰.

С начала 2000-х гг. исследование памятников каменного века становится целенаправленным. В 2007–2012 гг. совместной экспедицией ЧИГИН и НЦАИ ИИ АН РТ (Н.С. Березина, М.Ш. Галимова) открыто и начато исследование финальнопалеолитической стоянки-мастерской Шолма I на р. Цивиль. Стоянка имеет уникальный характер по сохранности культурного слоя, приуроченного к погребенной почве потепления межледниковья (13–11 тыс. лет назад),

в которой сохранились костяные предметы. Найдено более 12 тыс. предметов, в том числе каменные орудия, обломки костей лошади (основного объекта охоты), бизона, северного оленя, зайца, бобра и др. Особенности каменной индустрии стоянки и основной объект охоты её населения (лошадь) позволили исследователям предположить схожесть её с позднелепелитическими стоянками Среднего Дона — Северского Донца. Дальнейшая судьба этих охотников, вероятно, связана с усть-камской археологической культурой. Это позволило исследователям впервые получить достоверные сведения об эпохе первичного заселения человеком Среднего Поволжья, стратегиях и тактике его выживания и освоения им природных ресурсов.

Экспедицией под руководством Н.С. Березиной ведутся раскопки мезолитических стоянок Мукшумская X (2007), XIV (2001, 2008), XVIII (2003) и археологические разведки на левобережье Волги. Большая часть памятников — однослойные, с хорошо выраженным культурным слоем. Впервые удалось изучить планиграфию и конструктивные особенности, позволяющие реконструировать устройство жилища. Получены крупные коллекции каменных орудий. По углю из раскопок стоянки Мукшумская XVIII была получена радиоуглеродная дата $BP\ 8240 \pm 220$ л.н. (ГИН-13635 обр.). Исследователем отмечены основные характеристики каменной индустрии, отличающие её: в технике первичного расщепления этих памятников преобладает отщеп, но высок процент орудий на пластинах; наличие серий шлифованных тесел, стамесок, долот, дублированных орудий, микроострий на пластинах с подретушевкой острия и общий микролитический облик орудий. Была высказана точка зрения о культурном единстве с памятниками мезолита Марийского Поволжья, существовавшими в конце бореального — начале атлантического периода (VII тыс. до н.э.), что было подтверждено В.В. Никитиным, объединившим эти памятники в особую мезолитическую русско-луговскую культуру, занимавшую территорию Волго-Вятско-Ветлужского междуречья²¹. Недавними исследованиями ареал русско-луговской культуры был расширен. К ней отнесли вновь выявленные памятники мезолита Среднего Посурья, в том числе типологически выделенный комплекс орудий (нуклеусы, пластины, резцы ретушные, на сломе, сечения с ретушью, скребки, острия и др.) на многослойном поселении Утуж I²², Молёбное Озеро, памятники Ульяновского Поволжья (стоянка Ховринская)²³.

В исследовании мезолита Чувашского Поволжья остаются вопросы культурной интерпретации части памятников (стоянка Мук-

шумская XIX) с преобладанием микропластинчатого кремневого комплекса, вероятно относящихся к камской мезолитической культуре, и комплексов с геометрическими микролитами (вероятнее всего, это связано с южными импульсами). Выделенная недавно на материалах Марийско-Чувашского Поволжья русско-луговская культура позднего мезолита требует дальнейшей разработки социально-экономических и экологических особенностей, материальной культуры, сравнительного анализа каменной индустрии, разработки внутренней хронологии. Хронологические рамки существования культуры необходимо подтвердить серией радиоуглеродных дат.

Масштабные археологические раскопки в Среднем Посурье совместной археологической экспедиции в 2006–2012 гг. позволили заложить основы культурно-хронологической характеристики неолита Чувашского Поволжья²⁴. Впервые получены материалы ранненеолитического времени елшанской культуры (стоянки Вьюново Озеро I, Утюж I): зафиксированы следы жилища, найдены керамика и кремневые орудия²⁵. Характеристика керамических комплексов (илистая глина в качестве пластического сырья, тонкостенность, заглаженность, остродонность, s-видная профилировка, сквозные отверстия по горловине, своеобразие кремневого инвентаря) сближает их с памятниками лесостепного Поволжья, но с отличиями (отсутствие «жемчужин», прочерченных линий и др.). Исследователями отмечено, что преемственность между позднемезолитическими и ранненеолитическими комплексами не прослеживается. По серии полученных радиоуглеродных дат подчёркивается, что елшанская керамическая традиция существует в Среднем Посурье с последней трети VI до середины V тысячелетия до н.э. Вопросы генезиса и развития елшанской традиции и связанных с ней процессов неолитизации в регионе находятся в стадии активной научной дискуссии и не решены²⁶. Возможно, продолжением этой традиции являются комплексы, представленные залощенными прямостенными неорнаментированными сосудами с плоским дном, зафиксированные на ранненеолитических стоянках в Среднем Посурье и на чувашско-марийском левобережье Волги.

На большинстве исследованных памятников Посурья и Поволжья выделены ранненеолитические комплексы с накольчатым орнаментом. Получены радиоуглеродные даты (вторая половина V тыс. до н.э.)²⁷. Исследователи отмечают в ранненеолитических комплексах близкие параллели как с лесостепным Подоньем (сурская культура) и Поволжьем, так и с Марийским Поволжьем и Примокша-

нием. Отмечены контакты с льяловскими племенами, выраженные в синкретической накольчато-ямочной орнаментации. Также отмечены немногочисленные находки фрагментов с гребенчатой орнаментацией в традиции камской археологической культуры, находящей аналогии в примокшанских древностях, орнаментальный «шахматный» мотив имеет аналогии в материалах с устья Камы и верховий Суры, что маркирует сложные процессы передвижения групп носителей гребенчатых традиций в восточном направлении с рубежа V тысячелетия до н.э. до более позднего времени. Обнаружение сосудов с гребенчатым орнаментом и так называемым «воротничком» отражает взаимодействие с населением лесостепных районов, в том числе нижнедонской культуры.

В 2000-х гг. было продолжено изучение племен с ямочно-гребенчатой керамикой льяловской культуры. На памятниках утюжского региона было исследовано несколько поселений с остатками жилищ и представительными комплексами ямочно-гребенчатой керамики (Утюж I, Выуново Озеро I, II, Черненькое Озеро II и III и др.). Эта керамика характеризуется простыми орнаментальными мотивами²⁸ и датируется первой половиной IV тысячелетия до н.э. Она находит аналогии в ранних комплексах льяловской керамики Чувашско-Марийского Поволжья и отчасти Примокшанья. Это указывает на исходный район ее появления в Среднем Посурье.

В период развитого неолита в Чувашском Поволжье зафиксированы миграционные импульсы носителей лесостепных энеолитических традиций, влияние которых на местное неолитическое население пока еще слабо изучено. На Утюже I исследовано самое северное на сегодняшний момент поселение хвалынской культуры, которая распространена в степном и лесостепном Поволжье в V–IV тысячелетиях до н.э.²⁹, с характерным набором каменных изделий (крупные пластины усиленного отжима, типичные скребки и острия на массивных сколах, мелкие пластины-вкладыши, а также несколько наконечников кельтеминарского типа и др.) и керамики. Было доказано, что это поселение существовало до льяловского, в первой четверти IV тысячелетия до н.э. Возможное сосуществование и контакты этих племен маркируют сосуды с венчиками с воротничковым утолщением на льяловской керамике. Было высказано мнение, что в неолите р. Сура являлась своеобразным коридором, по которому происходили передвижения носителей разных культурных традиций. На левобережье Волги (стоянка Мукшумская V) выделен энеолитический комплекс керамики токского типа самарской культуры

(последняя треть IV тыс. до н.э.), характерный для бассейнов р. Сок Самарской области и р. Ток Оренбургской области³⁰. Исследователями отмечается их влияние на более поздние энеолитические культуры Волго-Камья³¹. Вместе с тем справедливы замечания о хронологической несостыковке культур³².

Плохо изученным остается до сих пор финал неолита. На средне-сурских памятниках (Утюж I, V, Утюжский Бугор) обнаружены немногочисленные фрагменты керамики красномостовской и новоильинской культур. Красномостовская культура, выделенная В.В. Никитиным, складывается в конце IV тысячелетия до н.э. на базе льяловской и при участии камской культуры и является основой для средневолжской волосовской культуры энеолита³³. Новоильинская культура, распространенная в основном в Волго-Камье, имеет черты (примесь раковины в тесте и др.), свидетельствующие об устойчивых контактах с энеолитическим населением лесостепи. Обнаружение предметов новоильинской культуры говорит о его возможном участии в формировании энеолитических культур.

Археология энеолита (медно-каменный век). В течение длительного времени памятники энеолита на территории Чувашского Поволжья не фиксировались. Впервые они были отмечены в 1966 г. В.Ф. Каховским на многослойном (исследованы стоянка и погребения) Челкасинском (Синьял-Яушском) комплексе памятников на р. Большой Цивиль в Вурнарском районе, отнесенных им к волосовской культуре. В.В. Никитин позднее не подтвердил такую интерпретацию. Необходим пересмотр культурно-хронологической оценки этого памятника.

В 1968, 1970, 1973 гг. марийские археологи Г.А. Архипов и В.В. Никитин исследовали Уржумкинское поселение (Мариинско-Посадский район), открытое П.П. Старостиным в ходе разведки 1960 г. Были исследованы 4 жилища, соединенные между собой переходами, получен богатый вещевой материал с выразительными следами обработки меди³⁴ (отнесен исследователями к позднему этапу волосовской культуры³⁵).

В.В. Никитин происхождение волосовской культуры Среднего Поволжья связывал с позднебалахнинскими племенами при участии волго-камского населения и, возможно, при опосредованном участии носителей накольчатой традиции³⁶. С появлением новых материалов, полученных работами археологов (О.Н. Бадер, В.П. Третьяков, А.Х. Халиков, Д.А. Крайнов, И.К. Цветкова, В.В. Никитин и др.)

в лесной полосе Восточной Европы стала вырисовываться обширная волосовская историко-культурная общность эпохи энеолита.

В начале XXI в. были открыты новые памятники энеолита в Чувашии: на левобережье Волги (селище-городище Чебоксарский Городок, Мукшумские стоянки V, XXV, XXVI, XXX, Линевые стоянки II–V, Новая Деревня) и в Посурье (поселение Заячий Городок, стоянки Утюж I, V, Китай-озеро, святилище Утюжский Бугор, поселение и городище Подборное Озеро). На изученной раскопками в 2005 г. стоянке Новая Деревня на р. Цивиль изучены жилища и выделены керамические комплексы развитого и так называемого пережиточного (выжумский тип) этапов волосовской культуры позднеэнеолитического времени. Последняя группа имеет сосуды с высокой горловиной, выделенным внутренним ребром, пористое тесто и, вероятно, южные среднестоговские истоки. В состав каменного инвентаря стоянки входят кварцитовые орудия. Эта черта также характерна для памятников среднестоговской и иванобугорской культур, что отражает лесостепные компоненты в формировании энеолитических культур.

В энеолите Среднего Присурья отмечены ранневолосовские древности (Утюж I, Черненькое Озеро III), имеющие сходство со средневожскими³⁷ (по орнаментации) и примокпанскими³⁸ (примеси раковины в тесте) материалами. Исследованы поселения развитого и позднего периодов энеолита (Утюж III (Стемасы), V, Утюжский Бугор, Китай-озеро). Поселения имеют долговременный характер, с выраженными остатками построек, иногда соединенных друг с другом. На памятниках позднего этапа развития волосовской традиции исследователи фиксируют черты южных лесостепных культур. Исследован крупнейший, известный в Восточной Европе культовый памятник эпохи энеолита – Утюжский Бугор (2010, 2011), содержащий костыше и культовое сооружение, где происходило сжигание жертвенных животных (медведей). Культовые объекты с костями медведей известны на памятниках волосовской культуры, однако меньшие по размеру, числу жертвенных особей, здесь впервые отмечено крупное наземное сооружение. На памятнике обнаружена керамика волосовской культуры, представленная ранним и развитым этапами ее существования. Вероятнее всего, жертвенный комплекс являлся культовым центром и могильником (?) большой группы родственных племен восточной части ареала волосовской культуры на протяжении нескольких столетий.

Исследования памятников энеолита Чувашского Поволжья определили общую характеристику этого периода и научные проблемы.

Памятники позднего неолита изучены плохо, что затрудняет изучение генезиса волосовской культуры. Имеющиеся материалы показывают культурную неоднородность и специфику энеолита. Отмечены контакты носителей южных лесостепных традиций самарской (чекалинский и токский типы), хвалынской и алтатинской культур с носителями красномостовской и новоильинской культур, и это, по мнению А.И. Королева, подтверждает, что в последней трети IV тысячелетия до н.э. на обширной территории лесостепи Волго-Камья складывается культурная общность (пока не получила определения)³⁹. На финальноэнеолитических памятниках Чувашского Поволжья отмечены контакты с балановскими племенами эпохи бронзы.

Археология бронзового века. Курганы – памятники эпохи бронзы – с давних пор привлекали внимание. Появление курганов чувашей связывали с легендарным великаном Улыпом, иногда – с реальными историческими событиями: походами Ивана Грозного, восстаниями С. Разина и Е. Пугачёва. Поэтому курганы начали фиксироваться еще с середины – второй половины XIX в. Первооткрывателями множества курганов и отдельных находок были В.К. Магницкий и Н.А. Архангельский. Особенно много предметов эпохи бронзы оказалось в коллекции казанского предпринимателя В.И. Заусайлова, ныне хранящейся в Музейном ведомстве Финляндии. До 1917 г. курганы раскапывались только кладоискателями⁴⁰.

Новый этап в развитии археологии начался в 1921 г., когда были проведены первые научные исследования курганов у с. Абашево Чебоксарского уезда экспедицией под руководством В.Ф. Смолина. Была открыта новая страница в изучении неизвестной доселе яркой культуры бронзового века, получившей затем название «абашевская» (1925). В.Ф. Смолину удалось увидеть оригинальность материалов исследованного могильника и верно датировать его II тысячелетием до н.э., отметив, что абашевская археологическая культура формировалась под влиянием юга, а именно Кавказа⁴¹. Подробнее охарактеризовать памятники типа абашевских позволили масштабные раскопки П.П. Ефименко в 1926–1927 гг.⁴² К выделенной абашевской культуре были отнесены и другие курганы, исследованные в эти годы В.Ф. Смолиным. В 1940–1950 гг. абашевские курганные древности изучались О.А. Кривцовой-Граковой и М.С. Акимовой. На данном этапе абашевские материалы были известны только в Чувашской АССР, и О.А. Кривцова-Гракова делала вывод об их сложности в Среднем Поволжье на основе балановских (фатьяновских)⁴³.

Раскопки под руководством П.Н. Третьякова (1930) кургана у д. Атликасы (Ядринский район) впервые выявили материалы, отнесенные к фатьяновской культуре. Атликасинский курган был определен как более ранний, чем абашевские Алгашинские курганы, и установлена близость кургана у д. Атликасы к фатьяновским памятникам⁴⁴. Позднее, рассматривая соотношение фатьяновских и абашевских памятников, П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков считали, что, непродолжительно сосуществуя, одна культура сменялась другой. Одновременными с абашевской культурой они считали срубную и поздняяковскую, памятники сейминского типа, отмечая близость и катакомбной культуры.

В 1930–1950 гг. под руководством О.Н. Бадера были проведены раскопки Балановского грунтового могильника (Козловский район), выявившие богатство и своеобразие его материалов, что позволило О.Н. Бадеру описать новую балановскую культуру, родственную фатьяновской, известной к западу, в Волго-Окском междуречье⁴⁵. Позднее в обобщающей работе культура датирована концом III – началом II тысячелетия до н.э., отмечен ее пришлый характер, антропологическое отличие от фатьяновского населения и близость состава металла с культурами Центральной и Южной Европы⁴⁶. Однако на этом этапе не все исследователи признавали ее выделение. Так, О.А. Кривцова-Гракова рассматривала отдельную чувашскую группу единой фатьяновской культуры (наряду с московской и ярославской), отметив, что она наиболее поздняя⁴⁷. В 1940–1950 гг. большой вклад в изучение балановской культуры внёс П.Д. Степанов. Под наслоениями городищ I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. ему удалось открыть поселенческие памятники, что позволило опровергнуть точку зрения о кочевом быте балановского населения. Знаковыми стали раскопки П.Д. Степанова на Изванкинском городище «Хула-Сюч» и городище Ош-Пандо на границе с Чувашией в Мордовском Посурье, что позволило выявить оригинальный поздне-балановский культурный комплекс. Уникальным представляется и обнаруженное им же у д. Тури-Выла культовое (жертвенное) место (могильник?) Хонки-Сёт со следами трупосожжения – памятник фатьяновской (балановской) культуры⁴⁸.

Уже раскопки П.П. Ефименко (1927) в южных степных районах у с. Новое Байбатырево (Яльчикский район) двух курганов и поселения впервые выявили материалы иного культурного круга. Исследователь подчеркнул их своеобразие и отличие от курганов севера ЧАССР в погребальном обряде и инвентаре и отнес к «срубным по-

гребениям юга»⁴⁹ (срубная культура была выделена В.А. Городцовым в 1905 г.). Работы на курганах срубной эпохи были продолжены в 1940–1950 гг. (О.А. Кривцова-Гракова и М.С. Акимова). Итоги работ по исследованиям срубных древностей были подведены О.А. Кривцовой-Граковой, которая наметила периодизацию развития культуры (срубный этап – XVI–XIII вв. до н.э. и хвалынский – XIII–VIII вв. до н.э.) и подчеркнула, что территорией ее формирования является Нижнее Заволжье, откуда срубные племена двигались в западном направлении⁵⁰.

Следующий этап в изучении культур бронзового века Чувашского Поволжья начался с образования ЧАЭ в 1956 г. Исследованиями курганов и поселений эпохи бронзы занялся отряд под руководством Н.Я. Мерперта. Большую роль на этом этапе сыграли работы О.Н. Балера, В.Ф. Каховского и Б.В. Каховского.

Исследования абашевских курганов в 1957–1958 гг. под руководством Н.Я. Мерперта позволили значительно уточнить сведения об абашевском погребальном обряде: зафиксированы сложные деревянные сооружения, ограды, жертвенники, отмечена большая роль огня в обряде⁵¹. Подтверждены наблюдения Н.Ф. Калинина о неодновременности насыпей курганов над погребениями и неоднократной подсыпке насыпей⁵². Н.Я. Мерперт синхронизировал могильник Пикшик с Сейминским могильником (сер. XVI – сер. XV в. до н.э.), наметив перспективное направление работы – выяснение хронологического соотношения с памятниками сейминско-турбинского типа. Н.Я. Мерперт и В.Ф. Каховский считали, что абашевская культура образовалась благодаря контактам носителей срубной и фатьяновской культур. В то же время была отмечена близость абашевской и среднеднепровской культур⁵³. В конце 1950 – начале 1960-х гг. ареал средневолжской абашевской культуры расширился за счет памятников Татарии и Марийской АССР. Значительное накопление источниковой базы относится к 1980-м гг., когда Б.В. Каховским было раскопано несколько абашевских курганных могильников. Работы А.Х. Халикова, К.В. Сальникова, А.Д. Пряхина, В.С. Горбунова, О.В. Кузьминой, С.В. Большова и др. выявили памятники абашевской культуры за пределами средневолжского региона. В результате все они были объединены в культурно-историческую область, состоящую из трех локальных вариантов – доно-волжской, средневолжской и южноуральской культур. Это позволило по-новому взглянуть на их генезис: появились концепции, связывающие их с ямной культурой и культурой шнуrowой керамики. Особо следует отметить

изучение абашевского металла Е.Н. Черных, который отметил его близость к турбинскому и баланбашскому. Абсолютные даты абашевской культуры были обозначены в широких рамках – от XVII в. до н.э. и даже до начала I тысячелетия до н.э. Причем у разных исследователей сильно отличается и диапазон их бытования в регионе. В свете открытия других локальных вариантов абашевской культурно-исторической общности встал вопрос об их соотношении. Для средневожской абашевской культуры были высказаны мнения как о её более ранней и поздней хронологической позиции, так и об одновременном существовании абашевских памятников в разных регионах. На данном этапе были высказаны предположения о широком участии абашевского населения в этнокультурных процессах эпохи бронзы* в Волго-Камье, хотя отдельные исследователи считали его пребывание в Среднем Поволжье кратковременным⁵⁴.

В 1959 г. Н.Я. Мерперт исследовал также три кургана срубной культуры у д. Уразмаетево (Яльчикский район), датировав их XVI – началом XV в. до н.э. Именно Н.Я. Мерперт заложил основы нового подхода к курганным древностям Среднего Поволжья, рассматривая детальную характеристику погребального обряда и инвентаря. Он же является автором концепции о срубной культурно-исторической области⁵⁵. Свою периодизацию срубной культуры предложил А.Х. Халиков (1969): XV–XIV вв. до н.э.; XIII–XII вв. до н.э. На первом этапе, по его мнению, срубные племена достигли рек Алатырь и Кубня – крайних северо-западных территорий своего распространения, на втором происходят их взаимодействие с поздняяковским и приказанским населением⁵⁶.

В 1956–1980 гг. было исследовано множество балановских древностей. Особо можно отметить исследование В.Ф. Каховским Чурачикского кургана (Цивильский район), с захоронением литейщика с литейными формами для отливки топора, самими топорами и другим инвентарем. По мнению исследователей, эти материалы близки к фатьяновскому погребению из Волосово-Даниловского и абашевского Пепкинского кургана, что отражает стадийный характер распространения захоронений литейщиков в культурах бронзы Евразии⁵⁷. Выделение новой балановской культуры вызвало научную дискуссию. Часть исследователей поддержала выделение самостоятельной культуры (А.Х. Халиков), другие относили ее к единой

* Например, А.П. Смирнов полагал, что абашевское население могло повлиять на культуру племени, оставившего памятники писеральско-андреевского типа

фатьяновско-балановской общности (О.В. Гадзяцкая), третьи – к локальному варианту фатьяновской КИО (сурско-свияжская группа) (Д.А. Крайнов). Важными на этом этапе стали труды О.Н. Бадера, А.Х. Халикова, Д.А. Крайнова, в которых были разработаны вопросы происхождения, хронологии и периодизации балановской культуры. Были выделены четыре этапа существования культуры: балановский (первая половина II тыс. до н.э.), атликасинский (XV–XIV вв. до н.э.), ош-пандинский (XIII–XII вв. до н.э.), хуласючский (XI–IX вв. до н.э.)⁵⁸. Определены направления миграций культуры боевых топоров и шаровидных амфор, к которым отнесли балановскую – с юго-запада к Среднему Поволжью, высказано предположение о ее связи со среднеднепровской культурой. Были поставлены вопросы о немирных контактах балановского населения с абашевским (с этим О.Н. Бадер связывал миграцию носителей балановской культуры на запад к Оке и переселение их на труднодоступные мысы в конце балановского этапа)⁵⁹.

Исследования конца 1950-х гг. выявили на территории Марий Эл оригинальные древности, названные чирковско-сейминскими (А.Х. Халиков) и представляющие собой процесс смешения поздне-волосовских, балановских и западносибирских групп с «валиковой» посудой, связанных с сейминско-турбинскими традициями. Отнесение А.Х. Халиковым к данному культурному образованию некоторых опорных сейминских памятников не было принято другими исследователями. Был прослежен процесс складывания культуры от первых контактов до полного смешения традиций. Время существования вновь выделенной культуры опиралось на хронологию балановской и было определено с XVI по IX в. до н.э. Мнение об этнической принадлежности чирковско-сейминского населения зависело от того, какой компонент считался в ней преобладающим: волосовский (финноязычный) или балановский (индоевропейский?). Было также высказано предположение о принадлежности чирковско-сейминских поселений к абашевским, что встретило острую критику. Относительно исторической судьбы культуры высказывались предположения об участии чирковско-сейминского населения в культурогенезе Западной Сибири и Северного Приуралья⁶⁰.

Важным является исследование поселения Саушкино у д. Никитино (Ядринский район), на левом берегу Суры. В ходе работ Чебоксарской экспедиции (1969–1970) выявлены два полуземляночных жилища эпохи бронзы с керамикой, близкой к срубной культуре, в которой отмечены и местные волосовские, и балановские (хуласючские)

черты. По предположению, поселение оставлено группой срубных племён, проникших на север по Суре и смешавшихся с местным населением. Здесь впервые на территории Чувашии отмечена керамика поздняяковской культуры⁶¹.

Во время раскопок Н.В. Трубниковой (1955–1957) на Криушинской дюне (Козловский район) в нижних слоях отмечены находки, отнесенные ею к приказанской культуре⁶², выделенной накануне Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым в Казанском Поволжье (1954). Позже А.Х. Халиков отнес к этой культуре Яндашевские поселения I и II (Чебоксарский район) и еще 10 памятников, расположенных на Пижем Цивиле и вдоль волжского правобережья Чувашии. Находки очковидной подвески и височного кольца на Криушинской дюне он связывал с позднеприказанским могильником⁶³. Сформулированные им основные положения характеристики позднебронзового века в Среднем Поволжье были актуальны до конца 1980-х гг. Время ее существования было определено XVI–IX вв. до н.э. и разделено на четыре периода. Генезис культуры связывался с восточными группами волосовской КИО при влиянии абашевско-покровских племен. Этническая принадлежность носителей приказанской культуры определялась как финноязычная⁶⁴.

Одним из сложных вопросов является интерпретация комплексов позднего бронзового века с текстильной и смешанной текстильно-приказанской керамикой. А.Х. Халиков считал, что последние относятся к приказанской культуре, которая на западе своего ареала испытывала влияние поздняяковского населения, В.С. Патрушев отнес их к формирующейся ахмыловской культуре, С.В. Кузьминых и некоторые другие исследователи – к двум самостоятельным культурам: позднеприказанской (маклашеевской) и культуре текстильной керамики (КТК). На данном этапе появление текстильной керамики в крае датировалось рубежом II–I тысячелетий до н.э. Признавалось влияние приказанских и текстильных древностей на формирование ананьинской КИО⁶⁵.

Современный этап характеризуется критическим пересмотром взглядов 1960–1980 гг. на процессы культуругенеза эпохи бронзы в Волго-Камье.

Одна из наиболее сложных проблем – «абашевская». Из современных проблем абашевоведения центральное место занимает хронологическая, и намечается тенденция удревнения абашевской КИО в досейминское время (XVIII–XVII вв. до н.э.). Все более распространяется взгляд на нее как на часть шнуrowого мира. Актуальными

и неразработанными остаются вопросы хронологии и периодизации (вариант внутренней периодизации был предложен С.В. Большовым) как всей абашевской КИО в целом, так и соотношения ее локальных вариантов. Существует несколько взаимоисключающих гипотез относительно роли абашевцев в культурогенетических процессах Волго-Камья – об их достаточно длительном пребывании в регионе и участии в движении на Оку вместе с носителями сейминско-турбинских традиций и культурогенезе на Южном Урале или об их небольшом влиянии и кратковременном присутствии⁶⁶. Полное введение в научный оборот материалов раскопок абашевских памятников Чувашии на современном уровне помогло бы решить давний вопрос о соотношении правобережных и волго-вятских памятников абашевской культуры. Актуальной проблемой остается и поиск абашевских поселений в Среднем Поволжье.

Важный этап наступил в изучении балановских древностей. В 2004 г. П.М. Кожин выделил атликасинский этап балановской культуры в самостоятельную культуру, синхронную балановской, обосновав это существенными различиями в погребальном обряде и керамике⁶⁷. Это предложение поддержали Б.С. Соловьев⁶⁸, С.В. Большов⁶⁹ и др. В этой связи представляют интерес исследования синкретических памятников атликасинско-балановского облика типа Аблязовского кургана (2011). Также были получены калиброванные даты для балановских памятников Средней Оки (XXIII–XXI вв. до н.э.), подтверждая общую тенденцию удревнения памятников средней бронзы лесной полосы Восточной Европы. В связи с этим актуальным является вопрос уточнения периодизации балановской культуры О.Н. Бадера, А.Х. Халикова, в частности абсолютной хронологии первых этапов. Нуждается в дополнительном исследовании вопрос о соотношении раннебалановских/атликасинских материалов и поздних ош-пандинских/хуласючских. Поздний этап балановской культуры является отдельной недостаточно изученной темой, напрямую связанной с территорией Чувашского Поволжья. Остаются актуальными вопросы взаимосвязи балановского и местного позднеэнеолитического населения, а также их вероятных контактов с носителями абашевской культуры на раннем этапе (Галанкина Гора). Памятники типа Галанкиной Горы отмечены и в Чувашском Заволжье: Чебоксарский Городок, Линевое II, III, в которых присутствует поздневолосовская и балановская керамика в чистом, несмешанном виде. Ключом к выяснению проблем балановской культуры станет публикация старых материалов эталонных памятников (Балановский мо-

гильник, Атликасинские курганы и др.) по погребальным комплексам с использованием современных подходов.

В целом, произошло утверждение термина «чирковская культура», хотя С.В. Большов продолжает связывать ее с сейминско-турбинскими древностями и отрицает связь с балановскими⁷⁰. Не решены вопросы происхождения, развития и финала чирковской культуры, складывавшейся и развивавшейся в том числе и на территории Чувашского Поволжья (обнаружено поселение Заячий Городок в Алатырском Посурье). В последнее время указанные древности выявлены также в Примокшанье, и было высказано предположение об их связи с иванобугорскими⁷¹, что позволяет уйти от взгляда на чирковскую культуру как на локальное явление Марийско-Казанского Поволжья. Вероятно, взаимодействие носителей волосовской и балановской/фатьяновской культур на разных территориях имело свою специфику. Неясна связь чирковской культуры с древностями РЖВ, хотя исследователями обосновывается ее существование до рубежа II–I тысячелетий до н.э.

Современный этап изучения срубных древностей предполагает ревизию их единства. Идет разработка концепции об отдельных культурах и ареалах в рамках срубной КИО. Так, согласно В.В. Оторощенко и др., памятники Среднего Поволжья могут быть отнесены к покровской или «покровско-мосоловской срубной культуре» (в частности, ко второму периоду развития (XVI–XV вв. до н.э.) относится Уразмаметевский курган), а Э.С. Шарафутдинова выделила северо-восточный ареал общности, характеризующийся северной ориентацией костяков и гребенчатой орнаментацией острорёберных сосудов, куда входят и памятники Среднего Поволжья. Генезис срубной общности связывается с территориями восточноевропейской степи и лесостепи (Дон, Приуралье), а культурно – с абашевскими, покровскими, иногда синташтинскими и другими компонентами. Загадочным выглядит финал срубных древностей северо-восточного ареала. В этот период исследователи констатируют необъяснимый факт резкого сокращения численности памятников на рубеже XV–XIV вв. до н.э. (возможно, связанный с перенаселением и экологическим кризисом) и проникновения на их территорию племен-носителей приказанской, федоровской и черкаскульской культур⁷². Очень важны вопросы взаимосвязи срубных племен с местным населением. В материалах некоторых памятников Чувашии (Тигашевский курган, Малотугаевский курган⁷³) заметны черты как срубной, так и поздняяковской и приказанской (луговской) культур. В этой связи

необходим пересмотр датировок и этнокультурных особенностей срубных памятников Чувашского Поволжья, уточнение времени их появления.

Вопросы генезиса и развития приказанских древностей в современной науке являются предметом острых дискуссий. Происходит пересмотр концепции приказанской культуры А.Х. Халикова. Из общего массива выделено несколько самостоятельных культур. Памятники балымско-карташихинского этапа и лесостепные памятники Заволжья так называемой сусканской группы объединены в луговскую культуру (XIV–XIII вв. до н.э.)⁷⁴. Памятники финальной бронзы атабаевского и маклашеевского этапов выделены в единую маклашеевскую культуру с одноименными этапами (в целом, XIV–IX вв. до н.э.)⁷⁵. Однако это не решило вопроса интерпретации материалов займищенского этапа приказанской культуры (XVI–XV вв. до н.э.)⁷⁶. Материалы Криушинской дюны А.Х. Халиковым были отнесены к займищенскому этапу, и соответственно в новых исследованиях они отнесены к займищенскому типу. Впрочем, остаются исследователи, не признавшие ревизию приказанской культуры и отмечающие «полную неразбериху» на этнокультурной карте Волго-Камья эпохи поздней бронзы (Б.С. Соловьев). Продолжается дискуссия относительно принадлежности и датировки комплексов с «текстильной» керамикой (выделение КТК и «ахмыловской культуры»)⁷⁷. Тем не менее представления о памятниках поздней и финальной бронзы в последнее время изменились, однако материалы Чувашского Поволжья не были пересмотрены и проанализированы на современном уровне знаний.

Археология раннего железного века и I тысячелетия н.э. Древности Чувашского края РЖВ и I тысячелетия н.э. (до конца эпохи Великого переселения народов) (VII в.) регулярно становились объектом более или менее подробного изучения местными краеведами и учеными Москвы, Казани, Симбирска с середины XIX в.⁷⁸ Работа исследователей в этот период сводилась к учету и описанию внешних признаков памятников, в первую очередь городищ, так как они выделялись на местности и были хорошо известны местным жителям. Интерпретация и датировка большинства памятников основывались на легендарных сведениях или данных поздних письменных источников, что заставляло относить их к позднему Средневековью и даже к Новому времени.

С рубежа XIX–XX вв. древности региона стали привлекать внимание профессиональных столичных археологов, которые включали

их в обширную область распространения городищ «дьякова типа» (VI–VIII вв. н.э.)⁷⁹. Важным стало выделение в 1900 г. В.А. Городцовым из массы памятников данного типа в Волго-Окском междуречье городищ культуры⁸⁰. На смежной территории Нижегородского Посурья были изучены Сергачские могильники, датированные исследователями в пределах V–VI и VII–VIII вв.⁸¹ и отнесённые к памятникам «кошибеева типа»⁸². На Каме и Вятке выделяют так называемые «костеносные» городища, которые благодаря исследованиям П.А. Пономарева, Д.Н. Анучина, А.А. Спицына начали соотносить с могильниками «ананьинского» типа, а А.М. Тальгрэн и М.Г. Худяков с 1920-х гг. уже использовали термин «ананьинская культура»⁸³.

Новый этап развития археологии относится к 1920–1930 гг., когда на территории Чувашского края были проведены широкомасштабные исследования силами нескольких крупных комплексных экспедиций под руководством ведущих столичных ученых П.П. Ефименко (1926–1927) и П.Н. Третьякова (1930). Были исследованы важнейшие памятники раннего железного века региона, такие как городище и селище Малахай, Криушинская дюна, Ивановский могильник⁸⁴.

Впервые на территории Чувашского Поволжья были зафиксированы поселения ананьинского типа. Так, П.П. Ефименко отметил близость материалов исследованного им селища Малахай к кругу «костеносных» памятников Заволжья, отметив на городище иную керамику с сетчатыми отпечатками⁸⁵. Кроме Малахайского селища, с ананьинскими племенами Прикамья П.Н. Третьяков связывал находки бронзовых кельтов и наконечников копий и других предметов в Чебоксарах, около Цивильска, Курбашей, Карамышева, на Криушской дюне, по Цивилю и Суре⁸⁶. Отмечалось, что на территории ЧАССР присутствуют пьяноборские материалы начала нашей эры (Яндашевский могильник), с миграцией которых связывалось формирование могильников типа Сергачского и Кошибеевского⁸⁷. Культура населения, оставившего Ивановский могильник, признавалась близкой к рязано-окским финнам, при наличии этноопределяющих «древнемордовских» украшений, и датировалась серединой I тысячелетия н.э.⁸⁸

С середины 1930-х гг. полевые работы прекратились, а в интерпретации материала археологам были навязаны позиции эволюционизма, в рамках теории стадийности и крайнего автохтонизма (марризм)⁸⁹. Не без этого воздействия П.Н. Третьяковым, П.П. Ефименко, А.П. Смирновым и Н.В. Трубниковой были сформулированы новые концепции развития археологических культур Западного и Среднего Поволжья в эпоху железа. К концу рассматриваемого этапа

(с 1940-х гг.) территорию Сурско-Свияжского междуречья включали в область городищ с сетчатой и рогожной керамикой или памятников «городецкого типа» (VII–VI вв. до н.э. – IV–V вв. н.э.) местного генезиса⁹⁰.

Период 1950–1980 гг. является наиболее значимым по масштабам полевых исследований. Под руководством таких археологов, как П.Д. Степанов, Н.В. Трубникова, В.Ф. Каховский, П.Н. Старостин и др., были открыты сотни новых археологических памятников РЖВ и I тысячелетия н.э., а десятки из них раскопаны широкими площадями⁹¹. Наиболее важными явились исследования на городище и селище Малахай, городищах Пичке Сарче и Ножа-Вар, Убеевском, Чурачикском, Таутовском и Ивановском могильниках. Накопленный материал позволил А.П. Смирнову и Н.В. Трубниковой выделить северо-восточный вариант городецкой культуры⁹². Авторы относили к этой культуре и ряд ананьинских могильников типа Аккозинского и Чурачикского, отмечая их смешанный, городецко-ананьинский облик⁹³. Так, Б.В. Каховский, соглашаясь с А.П. Смирновым, пишет о «довольно сильном процессе ассимиляции» между городецкими и ананьинскими племенами по материалам Убеевского могильника. При этом отмечалось, что данный некрополь имеет более выраженный ананьинский облик, несмотря на отсутствие кельтов ананьинского типа⁹⁴. Канонизация концепции «большой» (от Оки до Саратовского Поволжья) и «длительной» (от VIII–VII вв. до н.э. и, по сути, до прихода болгар) городецкой культуры породила историографическую традицию, просуществовавшую, несмотря на отдельные попытки её пересмотра, до 1990-х гг. Одновременно была сформулирована и обобщенная характеристика ананьинской культуры⁹⁵.

Вместе с тем новый археологический материал вступил в противоречие с концепцией развития культур Волго-Камья А.П. Смирнова и А.В. Збруевой. Новое поколение археологов (В.Ф. Генинг, П.Н. Старостин, С.В. Кузьминых и др.) приступило к разработке альтернативных концепций культурного развития региона. Появляются точки зрения о многокомпонентности ананьинской культуры, которая стала рассматриваться как культурно-историческая общность⁹⁶. Из массива «городецких» памятников была выделена именьковская культура, П.Д. Степановым открыта и идентифицирована ее сурская группа⁹⁷, он выделял на территории Чувашии также пьяноборские и древнемордовские памятники. На протяжении рассматриваемого этапа именьковская культура связывалась с бургасами, финнами, уграми (мадьярами) либо тюрками и датировалась в диапазоне

от III до IX в. н.э. (в конце концов утвердилась дата IV–VII вв. н.э.)⁹⁸. Развивается гипотеза о неоднородности «позднегогородецких» памятников, положено начало изучению писеральско-андреевских древностей (Андреевский курган, Староардатовский курган, Писеральский могильник). Последние были датированы временем от рубежа эр до I–III вв. н.э., а в культуре населения, оставившего их, П.Д. Степанов выделял сарматский, пьяноборский и городецкий элементы⁹⁹, А.Х. Халиков считал, что Писеральские курганы оставлены носителями пьяноборской культуры. Он отметил близость материалов курганов и городища Пичке Сарче и выделил целый ряд местонахождений того же типа от Суры до Казанского поворота Волги¹⁰⁰.

С 1990-х гг. произошло некоторое сокращение полевой исследовательской работы и усиление кабинетно-аналитической. Важнейшими исследованиями являются раскопки на Чурачикском (2001–2005), Седимиркинском (2012–2015) могильниках.

Суть взглядов Б.В. Каховского на памятники ананьинского и городецкого типов в Чувашском Поволжье осталась неизменной. По его мнению, ананьинские памятники Чувашии являются свидетельствами отдельных, хотя и довольно многочисленных проникновений на территорию, заселенную населением городецкой культуры, отношения с которым были как воинственными, так и мирными, приводившими к ассимиляции ананьинцев. Потомками последних в Чувашском Поволжье были оставлены клады и некоторые поселения первых веков нашей эры (Тиханкино, Янмурзино), городище Пичке Сарче, имеющие городецко-пьяноборский облик. Это не изменило общего городецкого состава населения правобережья Волги, которое связывается с поволжскими финнами (марийцами и мордвой) и сохраняется здесь до прихода болгар (X–XIII вв.)¹⁰¹.

В трудах других исследователей многие старые материалы, касающиеся рассматриваемых вопросов, получили новое звучание. Это в первую очередь касается «ананьинской» проблемы. Идея о многокомпонентности ананьинской культуры получает дальнейшее развитие. В работах С.В. Кузьминых, В.Н. Маркова, А.А. Чижевского, Б.С. Соловьева, В.А. Иванова и др. были выделены волго-камский (постмаклашеевский), средневолжский (аккозинский), камско-уральский (шнуровой, гребенчато-шнуровой) компоненты (культур) в рамках ананьинской КИО. В.С. Патрушев обосновал выделение своеобразной ахмыловской культуры¹⁰². Несмотря на многокомпонентность, в целом ананьинская КИО рассматривается как общая подоснова прибалтийских, поволжских и камских финнов. Именно с ней связывается

начало освоения железа в регионе, которое началось, по современным данным, еще в IX–VIII вв. до н.э.¹⁰³

Памятники, однозначно связываемые с ананьинской КИО, пока немногочисленны на территории Чувашии, но можно однозначно говорить, что это не были однокультурные памятники. Так, Убеевский грунтовый могильник А.А. Чижевский включает в аккозинскую культуру, причем пока это единственный «чистый» памятник, на котором не представлены кельты ананьинского типа¹⁰⁴. Вообще Чувашско-Марийское Поволжье считается основным ареалом аккозинской культуры. При этом ситуация осложнялась присутствием в регионе и других компонентов ананьинской КИО, что видно как по материалам некрополей на территории Марий Эл (Старший Ахмыловский, Аккозинский, Козьмодемьянский могильники), так и по поселенческим памятникам. Так, на Криупинской дуне и на городище Малахай зафиксированы отдельные находки постмаклашеевской керамики¹⁰⁵. Малахайские городище и селище, Ельниковское, Карабашское и, вероятно, Демешкинское городища, судя по орнаменту керамики, в котором сочетаются зубчатый штамп и шнур, содержали материалы ананьинской культуры с гребенчато-шнуровой керамикой, однако на Малахайском и Карабашском (Звениговском) городищах есть и текстильная керамика¹⁰⁶, что подтверждает точку зрения о чересполосном расположении памятников указанных культурных традиций¹⁰⁷. В.С. Патрушев относит указанные памятники к выделенной им ахмыловской культуре, генезис которой, на его взгляд, связан со смешением восточных и западных финно-угорских племен¹⁰⁸. В.Ф. Каховский и Б.В. Каховский к числу позднеананьинских (IV–III вв. до н.э.) отнесли впускные могилы Чурачикского курганного могильника¹⁰⁹, однако последний отличается большим своеобразием на фоне других позднеананьинских могильников и некоторыми специалистами вообще исключается из их числа¹¹⁰. Памятник уникален в силу отсутствия в обширном регионе Среднего Поволжья, Нижнего и Среднего Прикамья других могильников этого времени. Анализ Чурачикского могильника с современных позиций, в том числе правильное определение керамического материала и погребальных традиций, – вопрос крайне актуальный. Отдельная проблема – интерпретация ряда городищ и селищ, которые могут быть датированы IV–III вв. до н.э. В Чувашском Поволжье есть множество многослойных памятников, содержащих напластования I тысячелетия до н.э. Материал очень невыразителен и фрагментарен, однако выделяются фрагменты толстостенной лепной керамики с примесью

шамота, с текстильными отпечатками на поверхности, в т.ч. и с плоскими днищами. Этот комплекс практически не исследован (для примера можно вспомнить прямоугольную землянку с Тиханкинского I городища¹¹¹), датирующих находок почти нет, однако синяя бусина с глазчатым орнаментом IV–III вв. с городища Укся-сют указывает на позднеананьинское время. Вопрос, имеет ли эта керамика отношение к аккозинской (ахмыловской?) или городецкой культуре, остается открытым¹¹². Отсутствие в регионе явных комплексов городецкой культуры с рогожной керамикой¹¹³ и большое количество вещей ананьинского облика, скорее, говорят в пользу первого варианта, но тогда в воздухе подвисает вопрос о запустевании региона после VI в. до н.э.¹¹⁴

Сильно усложняет ситуацию hiatus II–I вв. до н.э. – начала I в. н.э. В Чувашии пока не выявлено древностей этого периода. Это может быть объяснено как какими-то локальными миграционными процессами, так и политическим или экологическим кризисом. Данных для решения пока нет. Однако следует отметить здесь во многом общую для лесной зоны Восточной Европы проблему генезиса культур первых веков нашей эры и их связи с предшествующими (поздне- и раннедьяковская, культура рязано-окских могильников / древнемордовская и городецкая, ананьинская и пьяноборская)¹¹⁵.

За последний период изменились представления и о городецкой культуре. Верхняя граница её существования определяется на современном этапе исследований началом нашей эры. Мнение о её участии в сложении «древнемарийской» и «древнемордовской» культур нуждается в дополнительном обосновании. Некоторые «городецкие» памятники получили иную культурную атрибуцию¹¹⁶.

Сейчас из общего массива «позднего городецких» памятников Чувашии стало возможным выделить памятники именьковской культуры, единично зафиксированные в Алатырском Посурье в лесостепной зоне (селища Стемасы V, VII, Иваново-Ленинское городище «Шолм» и селища). Вероятно их обнаружение в юго-восточной лесостепной части края (Комсомольский, Батыревский, Яльчикский, Шемуршинский районы). Важно отметить, что на соседних территориях в последнее время открываются «позднескифские», позднезарубинецкие и киевские древности¹¹⁷ и вполне вероятно их открытие и в Чувашии.

Памятники лесной зоны Чувашии рассматриваемого периода пока представляют собой достаточно монолитный культурный массив. Анализ материалов опорных памятников убедительно проде-

монстрировал постепенную эволюцию материальной культуры населения этого региона в период с середины I по V в. н.э.¹¹⁸

Все большее количество памятников на близлежащей территории археологи относят к писеральско-андреевскому культурно-хронологическому горизонту, датировку которого сужают до середины I – середины II в. н.э. С них начинается новый период в истории археологии региона. Открываются и исследуются новые памятники этого типа (Климкинский, Пильнинские могильники)¹¹⁹. Вероятно, территория Чувашии и прилегающие территории Марий Эл и Нижегородской области (конкретно – Нижнее Посурье) представляются своеобразным центром распространения этой традиции. Появились концепции, выделяющие в генезисе культуры данного населения пьяноборский, городецкий, сарматский, пшеворо-зарубинецкий, южно-сибирский или саргатский компоненты. На наш взгляд, нельзя исключать вероятность местных (волго-камских) постананьинских истоков в культуре этих памятников. Погребальный обряд и наличие импортных вещей являются свидетельством инокультурного участия в генезисе рассматриваемого населения, а вероятные его истоки, скорее всего, следует искать на юго-западе от Среднего Поволжья, хотя данных для решения этого вопроса пока явно мало. Все более утверждается точка зрения, что на базе памятников типа Андреевка-Писералы с III в. н.э. формируются культура рязано-окских могильников и «древнемордовская» культура¹²⁰. По современным представлениям, на территории Сурско-Свияжского междуречья существовал один из локальных вариантов последней (Сергачский могильник «Святой Ключ», Ивановский, Волчихинский могильники), и именно здесь фиксируются древности переходного типа, связанные с памятниками писеральско-андреевского круга (Сергачский «Кожина Слобода», Таутовский, Сендимиркинский могильники)¹²¹. Для последних было предложено наименование типа «Сендимиркино-Таутово» по опорным могильникам, датирующимся второй половиной II – первой половиной III в. н.э. В это время распространяется обряд погребения в грунтовых могильниках с рядовой планировкой. Материальная культура демонстрирует как сохранение и дальнейшее развитие андреевско-писеральских традиций, так и появление новых форм керамической посуды и вещей, связанных с южным («позднескифские» памятники, позднезарубинецкая/киевская и позднесарматская культуры) и северо-восточным (позднепьяноборские-раннеазелинские памятники, в первую очередь, Вятского бассейна) влиянием. Наибольшую близость рассматриваемая группа памятников демонстри-

рует с материальной культурой «древнемордовских» могильников раннего этапа «селиксенского» типа на Верхней Сура и Мокше, при определенном локальном своеобразии некоторых типов вещей (особенно височных подвесок) и погребальной обрядности.

Окончательное оформление «древнемордовской» культуры в регионе отражено в древностях типа городища Ножа-Вар и Ивановского могильника. В целом культура формируется к середине – второй половине III в. н.э. и существует в регионе, судя по материалам поздних погребений Ивановского могильника, до VII–VIII вв. Керамика и вещевые комплексы убедительно демонстрируют принадлежность памятников к указанной культурной традиции, а наличие своеобразных типов височных привесок, отсутствие важных культуродиагностирующих находок (нагрудные бляхи, бляхи в составе наконечников, венчики), высокий процент кремаций свидетельствуют о локальном своеобразии её нижнесурского варианта. Вопрос о существовании памятников этой культуры после VIII в. остается открытым. Исследователи отмечают в последующее время отход древнемордовского населения к западу от Суры, а его возвращение, судя по погребальным памятникам, относится уже к золотоордынскому времени¹²².

Отдельные вещи свидетельствуют о связи «древнемордовского» населения III–VII вв. Нижнего Посурья с именьковскими и позднесарматскими древностями, прикамским миром, с культурой рязано-окских могильников. Возможно, с последней связано погребение на Криушской дюне IV в., а с V в. н.э. прямые миграции фиксируются и в устье Ветлуги, по материалам Младшего Ахмыловского могильника. Именно с окскими финнами связывается формирование «древнемарийской» культуры в V–VII вв. н.э. (памятники типа Безводное-Ахмылово)¹²³. Их распространение и время бытования на территории Чувашии покажут дальнейшие исследования.

Большинство памятников региона, пока достаточно условно отнесённых в основном к «позднегородецким» древностям I тысячелетия н.э.¹²⁴, нуждается в дополнительном полевом изучении для более точной интерпретации. Предварительные исследования говорят о возможности выделить в будущем из комплекса памятников, особенно в лесостепной зоне, и другие культурные традиции. Это, в частности, показали работы 2013–2015 гг. в Алатырском Посурье¹²⁵.

Археология Средневековья. Археологические памятники эпохи Средневековья (VII–VIII – XV–XVI вв.) начали отмечаться в регионе исследователями с середины XIX в.¹²⁶ В дореволюционный период происходил сбор сведений о городищах, укреплениях,

могильниках и каменных надгробиях, их полевая фиксация. При отсутствии археологических раскопок интерпретация памятников происходила по их внешним признакам, этимологии местных названий, легендарным сведениям. Часто они относились к более поздним временам и связывались с восстаниями С. Разина и Е. Пугачева, однако уже С.М. Шпилевский многие из них относил к Средневековью и, в частности, к «болгаро-татарским» памятникам¹²⁷. В этот период был сформулирован и вопрос о западных границах Волжской Болгарии – отдельные авторы доводили их до Свияги, Суры и Оки¹²⁸.

С 1920-х гг., с началом первых научных археологических раскопок и масштабных экспедиций В.Ф. Смолина, П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, появилась необходимая источниковая база для интерпретации археологических памятников Чувашии. Правда, работы 1920-х гг. в отношении средневековых древностей носили скорее разведочный характер. П.П. Ефименко на основе небольших раскопок отнес Большетаябинское городище и «иные сходные с ним городища данного района» к периоду Казанского ханства и связал их с татарами, как и надгробные камни с арабграфичными надписями. С этим же временем был связан вал по р. Кубня, известный со слов местных жителей и до сих пор не обнаруженный¹²⁹.

Позже П.Н. Третьяков на основе материалов 1926–1927 гг. уже уверенно относил Большетаябинское городище к болгарским памятникам, как и Тигашевское городище, хотя на последнем еще не проводились раскопки. Он также отмечал несколько болгарских селищ, одновременных с городищами (у сел Большие Яльчики, Новое Байбатырево и деревень Байдеряково и Большие Арабузи – Первомайское)¹³⁰. Исследователь считал, что только юго-восточные черноземные районы Чувашии, связанные с бассейном р. Свияга (Кубня, Була), входили в территорию Волжской Болгарии. В северной же части Чувашского Поволжья П.Н. Третьяков отмечал, кроме болгарского (уже выделялись болгарские древности в г. Чебоксары), также более явный местный культурный компонент, который он выделял по круглодонной лепной посуде с веревочным орнаментом (селище на Криушинской дюне, датированное им X–XIV вв.), считая, что она бытует в регионе с ананьинского времени¹³¹. С болгарской эпохой (конец I – начало II тыс. н.э.) связывал П.Н. Третьяков и мысовидные городища в северной части Чувашии (типа Изванкинского, Новинских, Досаевского, Калугинского¹³² и др.), считая их «твердями» местного населения¹³³. На этом основании делался вывод о двухкомпонентном составе чувашского народа (местном и «гунно-бол-

гарском») и разнице в генезисе двух его этнографических групп – верховых и низовых чувашей (болгарский признавался основным у низовых чувашей – анатри)¹³⁴. В целом в 1948 г. соглашался с этой концепцией и А.П. Смирнов¹³⁵.

Следующий период в изучении средневековых памятников Чувашского Поволжья начался с 1956 г., с создания ЧАЭ. Масштабные археологические исследования 1956–1980-х гг., со специальным исследованием средневековых памятников (работы Г.А. Федорова-Давыдова, А.П. Смирнова, В.Ф. Каховского, Н.В. Трубниковой, П.Н. Старостина, Р.Г. Фахрутдинова) позволили совершить качественный скачок в накоплении источниковой базы и приступить к переосмыслению поставленных ранее вопросов.

Однозначно ранним железным веком были датированы небольшие мысовидные городища в лесной части Чувашии, которые ранее относились к Средним векам. На основе нового материала уже в 1961 г. А.П. Смирнов высказывался об освоении болгарами и лесных северных пространств Чувашии не позднее X в., когда они были вынуждены уходить от феодального гнета, и отмечал, что «деление Чувашии на два культурных района... в последних исследованиях не подтвердилось»¹³⁶. В северной и центральной Чувашии к болгарским были отнесены новые памятники, наиболее важными (опорными) из которых стали раскопанные достаточно большими площадями в 1950–1980 гг. Большеянгильдинское, Таутовское, Янмурзинское «Палаху»¹³⁷, Челкасинское¹³⁸, Убеевское селища¹³⁹. Тем не менее, если южная часть Чувашии признавалась коренной территорией Волжской Болгарии¹⁴⁰, то на севере, как отмечалось, пришлые болгары ассимилировали местное финно-угорское (марийское) население, что дало начало чувашскому народу¹⁴¹. Определенная специфика в лесной части Чувашского Поволжья связывалась не только с иноэтничным населением, но и с удаленностью от городских центров и торговых путей¹⁴². По мнению В.Ф. Каховского и А.П. Смирнова, после прихода болгар в северной части Чувашии широко распространились плужное земледелие, развитое ремесло, в частности кузнечное дело, гончарный круг и посуда болгарского типа, появились глинобитные дома, новый погребальный обряд и новые типы украшений, что отразилось в археологических памятниках¹⁴³.

Южные памятники дали весьма ценный материал для реконструкции процессов феодализации и мусульманизации в болгарском обществе (разрушение языческого святилища и строительство замка на Тигашевском городище)¹⁴⁴. Большетаябинское городище было да-

тировано XIII – началом XIV в., при существовании на этом месте неукрепленного селища в домонгольское время. Удалось изучить каменный дом с системой подпольного отопления, принадлежащий, очевидно, хозяину замка. Судя по местным легендам, особенностям находок и времени существования памятника, было высказано предположение, что это мог быть баскак¹⁴⁵. Недалеко от городища было выявлено мусульманское кладбище, отнесенное еще к золотоордынскому времени¹⁴⁶.

В 1970-х гг. были открыты средневековые памятники третьей территориальной группы – Алатырского и Порецкого Посурья (в первую очередь Устиновское, Стемасское селища), также отнесенные к болгарским домонгольского периода¹⁴⁷. Это позволило В.Ф. Каховскому считать, что вся территория Чувашии входила в состав Волжской Болгарии уже в IX–X вв.¹⁴⁸

Огромное значение в средневековой археологии края имели раскопки в г. Чебоксары в 1968–1972, 1979–1980 гг., которые выявили остатки жилых строений, хозяйственные и производственные сооружения городского облика, датированные концом XIII–XIV в. При этом были обнаружены находки, свидетельствующие о том, что уже в конце XII – начале XIII в. на месте Чебоксар появилось болгарское поселение¹⁴⁹.

Многие из указанных положений, в частности о датировке и культурной принадлежности памятников северной части Чувашии, не были приняты рядом исследователей Казани и Москвы, что породило бурную дискуссию на страницах местной и центральной печати, особенно активную в первой половине 1970-х гг., не оконченную до сих пор¹⁵⁰.

Так, вполне справедливо было отмечено, что как индивидуальные находки, так и керамический материал средневековых селищ северной и центральной Чувашии указывают на XIII–XIV вв.¹⁵¹ Притом отдельные оппоненты отмечали, что эти памятники неправомерно считать болгарскими и что на них лишь чувствуется влияние культуры Болгарского государства¹⁵². Интересно, что и сами В.Ф. Каховский и А.П. Смирнов признавали, что, скажем, в памятниках бассейнов рек Большой Цивиль и Малый Цивиль «удельный вес материальных остатков болгарской культуры не является... преобладающим», а основным является позднегородецкий элемент¹⁵³. Принципиальным, по их мнению, являлся факт интеграции двух компонентов, а не просто влияние болгарского на позднегородецкий.

Наиболее компромиссную и взвешенную позицию в этом вопросе занял Ю.А. Краснов, который, можно сказать, подвел определенную черту под дискуссией о культурно-хронологической интерпретации этих памятников в 1974 г. С одной стороны, он более четко обосновал факт более поздней даты исследованных средневековых поселений лесной части Чувашии (не ранее XIII в.), а с другой – показал, что в культуре указанных памятников «органически сочетаются» болгарские и местные финно-угорские элементы (при определенном влиянии русского компонента), что говорит об их синтезе, а не просто внешнем заимствовании и влиянии. Причем для решения этих вопросов Ю.А. Красновым были привлечены и материалы наиболее ранних чувашских языческих погребений XIV–XV вв. (Новоядринский могильник) и ранних слоев г. Чебоксары, руководителем исследований которых он являлся¹⁵⁴. Чебоксарские материалы в этом плане оказались особенно важными и в определенной степени уникальными (по сохранности и характеру накопления культурного слоя) и позволили проследить складывание синкретичной культуры «древнечувашского» облика (по Ю.А. Краснову) по массовому керамическому материалу, особенностям построек и их планировке, отдельным бытовым предметам и деталям одежды¹⁵⁵. Эта культура, по мнению Ю.А. Краснова, сложилась из местного финно-угорского субстрата и болгарского суперстрата, который не являлся преобладающим. Датировку этих процессов подтверждают также клады джучидских монет на территории Чувашии и наиболее ранние надгробные камни с арабграфичными надписями, также относящиеся к золотоордынскому времени.

Современный период исследований можно отсчитывать с конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда масштаб раскопок средневековых памятников Чувашии уменьшился (отметим раскопки Порецкого и Утюжского селищ в Посурье), к работе приступили новые исследователи, произошло переосмысление взглядов предшественников. Мнение о юго-востоке Чувашии как части основной территории Волжской Болгарии, заселенной болгарами еще в домонгольское время, признается всеми исследователями. Отдельным регионом признается Чувашское Посурье. Датировка средневековых памятников центральной и северной Чувашии типа Большеянгильдинского селища золотоордынским временем, как и оценка этнокультурной ситуации по археологическим данным в регионе в интерпретации Ю.А. Краснова, в целом была принята чувашскими исследователями

в последующее время¹⁵⁶, однако мнение некоторых казанских археологов, скорее, ближе к взглядам Р.Г. Фахрутдинова¹⁵⁷.

Говоря о перспективах дальнейших исследований, отметим, что с учётом позднего времени существования большей части памятников северной и центральной частей Чувашии (XIII–XV вв.) на сегодняшний день снова встает вопрос о памятниках домонгольского времени. Кроме некоторых отдельных находок с территории Чебоксар и Криушей (включая дятлинские находки), в распоряжении исследователей ничего не было. Однако после недавних открытий Анаткасинского могильника и погребения в Девлетгильдино ситуация начинает проясняться¹⁵⁸. Эти погребальные памятники, по предварительным данным, обнаруживают сходство с древнемарийскими могильниками IX–XI вв., что подтверждает известное мнение о заселении лесной части Чувашского Поволжья марийским населением (или близким ему)¹⁵⁹. Присутствие собственно болгар в регионе, причины их появления и география распространения в домонгольское время – эти вопросы, таким образом, продолжают оставаться актуальными. Мнение о торговых факториях или сторожевых пунктах в г. Чебоксары¹⁶⁰ и Криушинской дюне¹⁶¹ нуждается в дополнительных фактах (раскопки в бывшей кремлевской части г. Чебоксары пока не дали комплексов ранее XV в.). Для решения этой проблемы необходимо интенсифицировать поиск новых погребальных и поселенческих памятников раннеболгарского¹⁶² и домонгольского времени.

Большое значение на современном этапе имеет переосмысление старых материалов, в частности керамического комплекса отмеченных выше памятников золотоордынского времени. Предварительное исследование, проведенное Н.Н. Грибовым и одним из авторов данного доклада, в целом подтверждает мнение Т.А. Хлебниковой о памятниках XIII–XIV вв. в лесной зоне Чувашского Поволжья. Здесь четко выделяется болгарская, местная (вероятно, поволжско-финская) лепная и круговая, русская и «славяноидная» керамика. Важными представляются разработка вопросов генезиса последней и более детальное её сопоставление на разных памятниках, учитывая большую географию ее распространения (Чувашско-Марийское Поволжье, низовья Камы, Заказанье, Закамье, Средняя Вятка). Несмотря на попытки связать её с определенной этнокультурной группой (марийская, финно-пермско-русская)¹⁶³, существует точка зрения о её разнотипном происхождении и разнородности в разных ареалах распространения, а также взгляд на нее как на хронологическое явление¹⁶⁴.

Вообще выделение так называемого «древнечувашского» (или «болгаро-чувашского») керамического комплекса и в целом этого типа памятников является насущной задачей, так как время сложения чувашской народности как раз относится к позднему Средневековью (первое упоминание в 1508 г.). Этногенетические процессы должны отражаться на археологическом материале. Этот вопрос был поставлен Ю.А. Красновым, который предлагал считать таковыми памятники типа Таутовского, Янмурзинского, Большеянгильдинского селищ¹⁶⁵. Его поддержал и Ф.Ш. Хузин, назвав их поселениями «большеянгильдинского типа»¹⁶⁶. Какие критерии в выделении памятников этого типа будут решающими и чем они будут отличаться от указанных выше горномарийских памятников, пока не совсем ясно. По предварительным данным, керамические материалы центральной и северной Чувашии отличаются от древнемарийских памятников типа Малосундырского городища чуть большей долей болгарской посуды, наличием подражаний ей и болгарской посуды так называемого «деревенского облика», заметным процентом клейменной посуды, однако этот вопрос требует специального изучения.

Конечно, необходимы и более детальные сопоставительные работы по остальному вещевому материалу, а также традициям домостроительства (в частности, по чебоксарским материалам была выявлена определенная специфика) памятников северной и центральной Чувашии и соседних регионов в свете большой, проделанной за последние 30–40 лет работы в археологии Волго-Камья.

Вероятно, для этого населения был характерен погребальный обряд типа обряда Янмурзинского могильника «Палаху», в котором явно прослеживается влияние ислама. Насколько сильно среди населения Чувашского Поволжья был распространен мусульманский обряд погребения? Как подобные могильники связаны с языческими чувашскими кладбищами Нового времени? Какова роль марийского языческого обряда и болгарского компонента в их генезисе? Данные вопросы уже поднимались в исследованиях¹⁶⁷, и необходима их дальнейшая разработка и накопление источниковой базы.

Еще один важный момент, касающийся формирования «древнечувашской» культуры, должен быть связан с географией этого процесса. Археологи традиционно сужают его географические рамки территорией современной Чувашии¹⁶⁸, хотя историки и этнографы убедительно показали, что чувашское население как минимум с периода Казанского ханства, а скорее всего и ранее, проживало на

территории Приказанья (так называемая Чувашская даруга)¹⁶⁹ и Привсяжья¹⁷⁰. Естественно, необходимо изучение древностей этих территорий в сравнении с памятниками Сурско-Свияжского междуречья.

Памятники Среднего Посурья в Чувашии стоят несколько особняком (здесь почти нет «славяноидной» керамики с раковинной примесью, в большом объеме присутствуют керамика мордовских форм и другие мордовские вещи) и в целом иллюстрируют факт проникновения мордовского населения на Суру в XIII–XV вв.¹⁷¹ Мордовские древности золотоордынского периода известны и в более восточных районах Чувашии (Тигашево)¹⁷².

Отдельной исследовательской темой является русское проникновение в Чувашское Поволжье, которое фиксируется начиная с золотоордынского времени. Явное присутствие русского населения в XIV–XV вв. в Посурье, известное по письменным данным (г. Курмыш, с. Алгаши, Засурье), подтверждается в последних археологических исследованиях при анализе старого материала (русская керамика и отдельные вещи, в том числе кресты-тельники на Малосундырском городище, Юльяльском селище в Республике Марий Эл и ряде селищ в Чувашии и в Чебоксарах) и новыми раскопками (селища Курмыш-1У4, Порецкое, Мурзицы 1 и Утюж в Посурье)¹⁷³. Встает закономерный вопрос о причинах, масштабах, географии их распространения на правобережье Суры и характере взаимодействия с местным населением.

К этим проблемам примыкает еще одна – проблема хронологической лакуны XV – первой половины XVI в. Памятники казанско-ханского периода в Чувашском крае, кроме нескольких надгробий (причем погребения под ними не исследованы) Чебоксар и Новоядринского могильника, совершенно не изучены¹⁷⁴. А именно они могли бы продемонстрировать процессы завершения складывания чувашской народности.

Археология Нового времени (XVII–XIX вв.). Этот период представлен разными типами археологических памятников, из которых лучше всего исследованы могильники, датированные XV–XVIII вв. Раскопкам подверглись около 40 дохристианских или языческо-мусульманских кладбищ. Всего, по подсчетам М.И. Федулова, исследовано 1345 погребений. Наиболее изученными являются могильники: Новоядринский, Верхнеачакский в Ядринском районе, Толиковский и Икковский в Чебоксарском районе, Новосюрбеевский и Тебикасинский в Цивильском районе, Тегешевский в Урмарском районе,

Мартыновский в Козловском районе, Бахтигильдинский, Новоахпердинский в Батыревском районе¹⁷⁵.

Старые кладбища и надгробия чувашей отмечались еще в XIX в. в работах Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого и др. С Каршльхским могильником связаны и первые раскопки на территории Чувашии М.М. Хомякова¹⁷⁶, впервые обратившегося к чувашским палеоантропологическим материалам. Важным этапом исследований могильников Нового времени стали работы П.П. Ефименко 1926–1927 гг. Именно он сформулировал несколько важных вопросов, связанных с чувашскими языческими кладбищами: их отличия в ареалах расселения различных диалектологических и этнографических групп чувашей, поиск погребений, датированных ранее XVI в., их связь с поволжско-финскими древностями¹⁷⁷. После работ М.С. Акимовой 1948–1950-х гг. с целью изучения антропологии чувашского населения¹⁷⁸ наибольшее количество могильников было исследовано в 1950–1980-х гг. (работы П.Д. Степанова, Н.В. Трубниковой, В.Ф. Каховского, П.Н. Старостина, Б.В. Каховского, Г.И. Дроздовой, Е.П. Михайлова, Б.С. Соловьева, М.И. Федулова). Материалы кладбищ XV–XVIII вв. на территории Чувашии были впервые обобщены в 1978–1981 гг. Б.В. Каховским¹⁷⁹. Все изученные могильники были отнесены к чувашским и разделены на три группы, территориально совпадающие с этнографическими группами чувашей (*вирьял*, *анат енчи*, *анатри*). Б.В. Каховский усматривал общие черты этих могильников с болгарским языческим обрядом: неглубокие захоронения, погребальные ямы прямоугольной формы с закругленными углами и отвесными стенками, вытянутое расположение костяков на спине, западная ориентировка умерших, приношение в жертву лошади, наличие гробов, некоторых погребальных вещей (калачевидные кресала и височные подвески в виде знака вопроса) и т.д. Отдельные положения данной работы вызвали возражения других исследователей.

Еще в середине 1980-х гг. Т.Б. Шикаева (Никитина) возразила тем, что некоторые из перечисленных черт не были широко распространены в рассматриваемое время, многие признаки не типичны для изученных могильников¹⁸⁰. Рассматривая предшествующие позднеболгарские могильники (Большетаябинский и Палаху), она отметила влияние на них ислама и высказала идею, что подобный обряд находит свое продолжение в могильниках типа Тегешевского (Урмарский район), которые и следует связывать с этногенезом

чувашского народа¹⁸¹. С точки зрения Т.Б. Шикаевой (Никитиной), сходство погребального обряда и вещевого материала могильников в северных районах Чувашии и в Горномарийском районе Республики Марий Эл говорит об их этнокультурной общности и позволяет отнести к горным марийцам. Такой же точки зрения придерживается и казанский археолог Г.И. Дроздова¹⁸².

В 2000-х гг. появились новые работы, рассматривающие вопросы погребального обряда чувашей и марийцев (Г.И. Дроздова, А.В. Михеев, А.А. Степанова, С.А. Краснов, М.И. Федулов и др.)¹⁸³. С.А. Краснов, соглашаясь с Т.Б. Никитиной, различает две группы некрополей XVI–XVIII вв., предполагая, что это связано с их этнической неоднородностью. Общими, объединяющими могильники первой группы признаками являются наличие богатого погребального инвентаря (украшения и детали костюма, орудия труда), языческий погребальный обряд с невыраженной ориентировкой¹⁸⁴. С.А. Краснов заключает, что могильники данной группы «находят параллели с могильниками финно-угорского населения Среднего Поволжья, как марийского, так и мордовского», причем некоторые непосредственно оставлены мордвой¹⁸⁵. По С.А. Краснову, только вторая группа могильников (Тегешевский, Икковский, Татмыш-Югелевский, Новоахпердинский, северная часть Бахтигильдинского), отличающаяся незначительным инвентарем, более строгой ориентировкой по линии запад-восток, расположением инвентаря, принадлежала чувашскому населению, в религиозных воззрениях которого видятся следы и ислама, и язычества¹⁸⁶. М.И. Федулов считает, что можно говорить об «общечувашском погребальном обряде», и в целом признает выделение этнографических групп чувашей и соответствующих им могильников. Он считает, что основу погребального обряда чувашей составили древние тюркские традиции, а появление вещей финно-угорского круга, изменение ориентировки и положения костяков связаны с соседством марийцев и мордвы, отмечая влияние ислама и христианства в поздних могильниках¹⁸⁷.

Несомненно, дальнейшее изучение могильников XV–XVIII вв. представляется одной из важнейших задач археологии Чувашии. Нужен целенаправленный поиск могильников предшествующего времени, которые исчисляются пока единицами. Причем преемственность между могильниками типа Янмурзинского «Палаху» и кладбищами Нового времени прослеживается с трудом. Мусульманские кладбища типа Тегешевского могильника могут быть связаны и с более позд-

ним татарским влиянием¹⁸⁸. Отнесение остальных памятников второй группы (по С.А. Краснову) к этому типу нуждается в дополнительных пояснениях. Вообще отдельные чувашские могильники Нового времени демонстрируют большую специфику в сравнении с остальными. Новых подходов требует изучение уже раскопанного материала. Явно назрела необходимость полной публикации этих памятников по комплексам с подробной типологией и сериацией, статистическим анализом и сравнением с крайне близкими погребальными памятниками удмуртов, мордвы и особенно марийцев на более высоком научном уровне. Несмотря на их большое сходство, они не идентичны: в могильниках Чувашии нет котлов и топоров, характерных для марийских погребений, есть и специфические детали одежды: булавки для крепления сурбана и масмака («пус йёппи»), хушпу, конструкции погребальных сооружений (специфичны чувашские «юпа» и заплечики в могилах), детали обряда (западная ориентировка, кости лошади) и др. Если признать их марийскими, то встает вопрос: когда там появилось современное чувашское население и почему это не прослеживается по погребальному обряду? Не совсем ясно, на каких основаниях, кроме современного этнографического разделения, выделяются могильники верховых, низовых и средненизовых чувашей. К сожалению, на изученных памятниках собрана лишь небольшая коллекция антропологического материала. Сотрудничество с антропологической наукой должно позволить успешнее решать проблемы этногенеза чувашей и других народов Среднего Поволжья.

С могильниками тесно связаны надгробные камни с арабографическими эпитафиями XIII–XVIII вв., которых на территории Чувашской Республики зафиксировано более ста¹⁸⁹. Традиционно их рассматривали как позднеболгарские памятники времен Золотой Орды и Казанского ханства¹⁹⁰, однако последние исследования показали, что большинство их относится к концу XVII – первой половине XVIII в. и связано с чувашским населением¹⁹¹. Камни с надписями более распространены в юго-восточной и восточной частях республики, хотя встречаются также в северной и даже в северо-западной частях Чувашии. В последних случаях их сложно связывать с татарским влиянием, и вероятно, что они являются свидетельством сохранения более ранних традиций. Д.Г. Мухаметшин и другие специалисты отмечают определенные отличия их от синхронного татарского мусульманского эпиграфического материала: отсутствие на памятниках благожелательных формул и изречений из Корана, наличие

в надписях отдельных чувашских слов («чүк», «сұрта» и др.), отсутствие родословий и титулатуры, более грубая обработка поверхности¹⁹². Их дальнейшее выявление, картографирование, расшифровка надписей, сравнение являются важным направлением работы.

Нельзя забывать и о синхронных поселенческих материалах. К сожалению, изучена лишь их малая часть (ещё в 1970-е гг. раскапывались Беловолжское, Антипинское селища и отнесены к русским поселениям, а в последнее время исследовано ещё и Первомайское селище). Перед исследователями встают вопросы о преемственности культуры этих памятников с вышеуказанными поселениями золотоордынского и казанскоханского времени. Пока это прослежено только по чебоксарским материалам. Важным направлением является изучение исторических городов Чувашской Республики (Ядрин, Цивильск, Алатырь), где сделано крайне мало (разведочные работы В.Ф. Каховского в Ядрине и Цивильске, небольшие раскопки А.В. Вискалина в Алатыре). Их сопоставление с древностями соседних регионов, а также поиск и исследование новых являются еще одной насущной задачей.

Слабо на территории республики исследованы святилища (киремети) и другие места проведения культовых обрядов и праздников. Судя по письменным источникам, легендам и топонимике, их сотни по всей Чувашии. Археологически известно немного: Шинерпосинское, Тигашевское, Тувсинское, Табанарское, Чурачикское, Чебаковское, Амаксырское, Большетаябинское святилища. Часть их начали исследовать ещё в 1940–1960-х гг. Новое их изучение началось в 2000-х гг. В 2014–2015 гг. обнаружены следы ритуальных мест при изучении могильников – Сендимиркинского в Вурнарском и Деветгильдинского в Мариинско-Посадском районе. Особенно интересные перспективы представляет изучение Шинерпосинского святилища, уникального как по длительности существования (XII–XIX вв.), так и по историко-культурной характеристике, где авторы видят «преемственность традиций болгарских, чувашских и частично марийских святилищ (жертвенные ямы с продуктами жертвоприношений, наличие каменных плит, ритуалы с черепами животных)»¹⁹³. Похоже, часть этих культовых памятников древнее, чем предполагалось ранее (это доказывается и марийскими аналогиями), что открывает большие возможности для этногенетических исследований. Полное изучение так называемых «киреметей» в археологическом плане позволило бы сравнить этот материал с дале-

ко не полными этнографическими данными, уточнить особенности планировочной структуры святилищ, культовых предметов и действий, состав жертвенного стада и выяснить характерные черты «чувакской породы» скота. Перспективность изучения святилищ доказывается исследованиями марийских и удмуртских археологов (Д.Ю. Ефремова, Н.И. Шутова).

Специфическими памятниками производственного характера являются остатки заводов, мануфактур, ремесленных центров, мельниц и др. В основном они относятся к XVII–XIX вв. Археологически их следы обнаружены пока в Чебоксарах, на Заводской Поляне в Алатырском районе, у с. Сугут-Торбиково в Вурнарском районе. «Индустриальная археология» помогла бы лучше понять особенности социально-экономического развития Чувашского края, подтвердить или опровергнуть существование тех или иных ремесленных объектов, технологию и организацию производства, особенности изготовленной продукции. Особенный интерес в изучении этих объектов связан с запретом заниматься «инородцам» края кузнечным и серебряным делом в XVI – первой половине XVIII в., что уже отмечалось исследователями¹⁹⁴.

Примером такого объекта является Шешкарский производственный комплекс, исследованный в 2010–2012 гг. экспедицией ЧНМ (Д.В. Спрыжков) на правобережье Волги (Моргаушский район). Это крупные горны, врезанные в крутой берег, которые имели около 3 м высоты и 3 м в диаметре¹⁹⁵. По нашему мнению, эти горны представляют собой печи для обжига извести, расположенные на месторождении известковых туфов. Такие сооружения в Поволжье стали массово появляться с началом каменного строительства в XVII в. (печи в Печищах, на Жигулевских горах и др.). Часто такие печи устраивали «врезанными» в склон. Исследование таких производственных комплексов важно в свете начала каменного строительства в Чувашии.

Одним из интересных и недоисследованных типов памятников являются оборонительные сооружения – остатки засечных линий. Археологически отмечалась Карлинская засечная черта, однако она не подвергалась раскопкам. Существовала еще и Алатырская линия, до сих пор не обнаруженная, а ведь были не только засеки, но и «ворота», остроги, земляные валы с частоколами. Отдельным вопросом является существование Кубнинской засеки, о которой есть косвенные данные¹⁹⁶. Кроме отдельных валов и рвов, интересным представляется выявление острожков и «ворот» этих засечных черт, а также поселений засечной стражи. Изучение этих памятников помогло

бы лучше понять особенности фортификационного строительства Русского государства и освоения южных районов Чувашского края в XVI–XVII вв., уточнить сведения письменных источников относительно расположения засечных черт и их деталей.

Отметим и необходимость изучать древние сухопутные дороги. Хотя они и не отмечались на основной территории Чувашии в письменных источниках, теоретически их обнаружение возможно и по археологическим данным. К практически неисследованным типам памятников относятся древние пашни, сельскохозяйственные сооружения и другие, более редкие памятники археологии.

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В Чувашской Республике усилиями нескольких поколений археологов исследованы сотни памятников, выявлены и раскопаны объекты, начиная с эпохи палеолита до XX в., сформированы представления (разной степени изученности) о развитии человеческих коллективов в разные эпохи, их миграциях, контактах, развитии материальной и отчасти духовной культур. Неравномерность изученности памятников как территориально (имеются районы, слабо изученные в археологическом отношении – Ибресинский, Шумерлинский, Шемуршинский, Канашский, Янтиковский и др.), так и по отдельным хронологическим периодам не позволяет представить глубокую характеристику культурно-исторических процессов, протекавших на территории края. Отметим основные задачи в изучении археологических памятников Чувашского Поволжья разных периодов.

Аналитические задачи

1. Для эпохи *палеолита* актуальной задачей остается поиск памятников с каменными орудиями, с применением современных методов разведок. Единственный памятник финального палеолита – стоянка-мастерская Шолма I (13–11 тыс. л.н.) – имеет параллели с позднепалеолитическими стоянками Восточной Украины. Применение естественнонаучных методов при исследованиях памятников палеолита существенно расширит наши возможности в точной датировке, понимании охотничьих стратегий, трудовых операций, изготовления орудий, направлений миграций и т.д.

2. Эпоха *мезолита* представлена немногочисленными раскопанными памятниками: поствидерского круга культур (Яндашевская

стоянка) и русско-луговской культуры (стоянки Мукшумская X, XIV, XVIII, Молёбное Озеро и др.). Последние относятся к позднему мезолиту – второй половине VII тысячелетия до н.э. Остаются вопросы культурной интерпретации имеющихся памятников (Мукшумская стоянка XIX) с преобладанием микропластинчатого кремневого комплекса, вероятно относящихся к камской мезолитической культуре, и комплексов с геометрическими микролитами (возможно, это связано с южными импульсами). Выделенная недавно на материалах Марийско-Чувашского Поволжья русско-луговская культура позднего мезолита требует детальной характеристики социально-экономических особенностей, материальной культуры, анализа каменной индустрии, применения радиоуглеродного датирования.

3. Ранние *неолитические* памятники региона связаны с елшанской археологической культурой (Утюж I, Выюново Озеро I, Молёбное Озеро I), по ним получена серия радиоуглеродных дат (от последней трети VI до середины V тысячелетия до н.э.). Возможно, продолжением елшанской традиции являются комплексы, представленные залощенными прямостенными неорнаментированными сосудами с плоским дном и рядом ямок под венчиком. Отмечено проявление контактов с льяловскими племенами в синкретической накольчато-ямочной посуде. Ранний неолит отмечен присутствием немногочисленных находок фрагментов с гребенчатой орнаментацией в традиции камской культуры (Утюж I, Молёбное Озеро, Выюново Озеро и Чёрненькое Озеро). По полученным датам можно говорить о бытовании гребенчатой традиции с рубежа V тысячелетия до н.э. до более позднего времени. Развитый неолит региона характеризуется появлением, вероятно, в начале IV тысячелетия до н.э. племен с ямочно-гребенчатой (льяловской) керамикой (Утюж I, Выюново Озеро I, II, Чёрненькое Озеро II и III и др.), которые здесь просуществовали до второй четверти IV тысячелетия до н.э. В период развитого неолита в Чувашском Поволжье зафиксированы миграционные импульсы носителей лесостепных энеолитических традиций самарской (чекалинский и токсский типы), хвалынской и алтатинской культур с красномостовским и новоильинским населением, влияние которых на местное неолитическое население пока слабо изучено.

4. Имеющиеся немногочисленные материалы *энеолита* показывают культурную неоднородность и специфику. Исследованиями получены новые материалы пока не получившей определения культурной общности энеолита, сформировавшейся в последней трети

IV тысячелетия до н.э. при контактах южных лесостепных традиций с северными лесостепными и лесными. Пока недостаточно раскопанных памятников для характеристики и атрибуции этого явления. Проблемными остаются хронологические и культурные позиции оценки контактов финальноэнеолитического населения Чувашского Поволжья с балановскими и абашевскими племенами бронзового века.

5. Эпоха *бронзы*, несмотря на масштабные исследования памятников, имеет множество научных проблем. Остаются практически неизученными памятники чирковской, поздняяковской культур и приказанских древностей. Слабо исследованы памятники северо-восточной окраины срубной культуры. Научной проблемой до сих пор с момента открытия этой культуры остаётся отсутствие абашевских поселений в крае. Также не решены вопросы культурно-хронологических отношений средневожских балановской, атликасинской, фатьяновской и абашевской культур, вопросы синхронизации памятников лесной зоны с памятниками лесостепной зоны Восточной Европы.

6. Эпоха *раннего железного века* – крайне проблемный период в истории края. Открытым остается вопрос о конкретной культурной принадлежности ананьинской КИО (постмаклашеевская, аккозинская, ананьинская культуры, культура гребенчато-шнуровой керамики) и характере взаимодействия ее основных компонентов на территории Чувашско-Марийского Поволжья. Тесно связан с ним и вопрос о классических городищных древностях в регионе: можно ли их выделять при отсутствии рогожной керамики? В должной мере не прослежены специфика и истоки памятников позднеананьинского времени (Чурачикский могильник, Тоганашское городище, Малояушское городище «Укся-Сют» и др.), а ведь именно они должны быть связаны с культурами начала I тысячелетия н.э. Препятствием на этом пути является хронологическая лакуна II–I вв. до н.э., которую нужно заполнить.

7. Без решения указанных проблем нельзя будет обратиться и к вопросам культурогенеза в *I тысячелетии н.э.*, в частности, памятников писеральско-андреевского круга, которые нельзя рассматривать в отрыве от местного культурогенеза. На наш взгляд, дальнейшее накопление источниковой базы по этому вопросу должно быть связано и с территорией Чувашии, где есть перспективные точки для исследования. Безусловно, для решения вопросов происхождения памятников этого типа необходимо рассмотреть составляющие их компоненты на более широком историко-культурном фоне. Большинство памятников региона I тысячелетия н.э. (более 100) до сих

пор относится к «позднегородецким», хотя в целом в регионе выделены памятники типа Сандимиркино-Таутово, древнемордовские, древнемарийские. Актуальным является вопрос об их культурной дефиниции, границах распространения, соотношении и характере взаимодействия, а также вопрос о влиянии на население Чувашско-Поволжья более глобальных процессов, имевших место в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы в I тысячелетии н.э. (распад зарубинецкой культуры, миграция населения киевской культуры, черняховская экспансия, гуннское нашествие, возвышение Хазарского каганата и др.).

8. Для эпохи *Средневековья* актуальным является период раннеболгарского времени (VIII – первая половина IX в.), памятники которого до сих пор неизвестны на территории республики. В свете открытия Анаткасинского могильника (X–XI вв.) и Шинерпосинского святилища (XI–XIX вв.) по-новому предстает ситуация в домонгольское время в северной части Чувашии. Выяснение культурной принадлежности и поиск других памятников этого круга являются насущными задачами. В этой связи по-новому представляется и решение вопроса о границах, причинах и характере распространения болгар в крае в домонгольское время. Назрела необходимость переосмысления старых материалов золотоордынского времени в свете накопившихся данных в соседних регионах, выделения так называемого «древнечувашского» (или «болгаро-чувашского») культурного комплекса и разграничения его с древнемарийским. Большое значение в этой связи приобретают материалы с территории Приказанья и Присвияжья, где источники более позднего времени фиксируют значительный пласт чувашского населения. Актуальным вопросом является также русское проникновение в Чувашский край, хронология, география этого процесса и характер взаимодействия русских с местным населением. В определенной степени это касается и мордовских памятников в регионе. Решить эти вопросы невозможно без поиска памятников XV – первой половины XVI в., которые пока также неизвестны в Чувашском Поволжье (кроме Чебоксар и нескольких погребений Новоядринского могильника).

9. Традиционной, но далекой от разрешения является проблема изучения погребальных памятников Чувашии Нового времени (XVI–XIX вв.). Несмотря на высказанные версии об их связи с болгарскими и марийскими могильниками, их этнокультурные компоненты, общие и особенные признаки еще предстоит выяснить. На новом уровне это исследование можно провести при выявлении и публи-

кации всех комплексов, современной классификации и сериации погребального инвентаря. Механическим выглядит сопоставление могильников с этнографическими группами современных чувашей. Разделение их на две группы (по Т.Б. Никитиной и С.А. Краснову) также нуждается в дополнительной аргументации. Решить многие вопросы погребальной археологии Чувашского Поволжья Нового времени может помочь поиск могильников XIII–XV вв. Пока преемственность между могильниками типа Янмурзинского «Палаху» и более поздними чувашскими погребениями с трудом прослеживается. Тесно связан с могильниками Чувашского Поволжья вопрос о каменных надгробиях. Требуют объяснения их отличия от синхронного татарского мусульманского эпиграфического материала. Необходима и интенсификация таких недостаточно развитых в Чувашии направлений исследований, как поселенческая, индустриальная археология и изучение святилищ, дорог, засечных черт Нового времени. Эти направления исследований могли бы расширить источниковую базу для решения многих вопросов истории Нового времени Чувашского края.

Организационно-практические задачи

1. Значительная часть памятников Чувашского Поволжья полностью не введена в научный оборот, а многие публикации прошлых лет сделаны на низком научно-методическом и полиграфическом уровне, поэтому отдельной научной проблемой является *публикация и переиздание источников*. Проведение регулярных научных форумов для обсуждения указанных выше проблем – необходимое условие для развития археологии. Назрела необходимость издания монографических исследований по археологии Чувашии (по периодам и эпохам, отдельным ключевым памятникам и др.), подводящих итоги многолетним изысканиям.

2. Применение *новых научных методов* существенно раздвигает рамки интерпретации полученных археологических материалов. Современная археологическая наука имеет неограниченный спектр применяемых методов, как собственно археологических (стратиграфический, сравнительный, трасологический, статистический и др.), так и естественнонаучных (астроархеологические, антропологические, палеонтологические, зооархеологические, палеоландшафтные и палеоклиматические, геохронологические, палеоботанические, дендрохронологические, методы радиоуглеродного датирования, геоинформационные, компьютерные и др.), что в основном было недоступно нашим предшественникам. Необходима интеграция археологии с этнографией, лингвистикой и другими гуманитарными дисциплинами.

3. *Охрана археологических памятников* – важная прикладная задача, стоящая не только перед научным сообществом, но и перед всем современным обществом республики. Важная ее составляющая – это паспортизация всех открытых археологических памятников (в настоящее время в Чувашии составлены паспорта на 10 памятников, для сравнения: в Марий Эл – около 150). Существует острая необходимость охранных работ в зоне Чебоксарского водохранилища, а также в связи с принявшим катастрофические (!) масштабы уничтожением распахкой, строительством, варварскими кладоискательскими «раскопками» святилищ, могильников, поселений и других объектов археологии. Большое количество памятников разграблено. Необходимо, на наш взгляд, в рамках местной законодательной инициативы ввести регулирование на использование металлодетекторов.

4. Решение многих научных задач невозможно без системы подготовки квалифицированных *кадров*. Необходимы специалисты как по хронологическим периодам (эпоха бронзы, раннее и позднее Средневековье, Новое время), так и по технике и технологии изготовления керамики, металлических и стеклянных изделий и др. Это возможно только при более тесном взаимодействии с вузами республики, профильными учреждениями России.

5. *От материальной базы и финансового обеспечения* работ зависят возможности и масштабы исследований и привлечения специалистов смежных дисциплин. Без современного экспедиционного и исследовательского оборудования (георадары, тахеометры, теодолиты и др.), компьютерных программ сегодня невозможно проведение научных исследований.

6. Все археологические знания базируются на полученных в ходе раскопок коллекциях. *Хранение коллекций и доступность их* для специалистов – ключ к успешным исследованиям. Необходимо опубликование каталогов археологических коллекций, хранящихся в ЧНМ, ЧГИГН, ЧГПУ, ЧГУ и других учреждениях.

7. Важнейшей задачей всей гуманитарной науки, в т.ч. археологии, является *пропаганда и популяризация археологических знаний*. Это важно для подрастающего поколения на фоне размножившихся деятелей так называемых «фолк-хистори», которые вольно трактуют научные знания. Это важно и для современных работников сферы культуры и специалистов по охране и использованию археологического наследия.

СОКРАЩЕНИЯ

- АИЗ – Археологические известия и заметки
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
АЭМ ЧГПУ – Археолого-этнографический музей ЧГПУ
им. И.Я. Яковлева
АЕС – Археология евразийских степей
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург)
ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва)
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
КИО – культурно-историческая общность
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
КФАН СССР – Коми филиал Академии наук СССР
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МАР – Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией
НИХМК – Новочебоксарский историко-художественный музейный комплекс
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова Института истории Академии наук Республики Татарстан
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии
ПА – Поволжская археология
ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция
РАО – Российское археологическое общество
РЖВ – ранний железный век
РСМ – Раннеславянский мир
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников

СТАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры

СГПИ – Саратовский государственный педагогический институт

СГУ – Саратовский государственный университет

УЗ ЧНИИ – Учёные записки Чувашского научно-исследовательского института

ЧАЭ – Чувашская археологическая экспедиция

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЧГПУ – Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева

ЧГУ – Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

ЧКМ – Чувашский республиканский краеведческий музей

ЧНИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР

ЧНМ – Чувашский национальный музей

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Михайлов С.М.* Предания чуваш // КГВ. Казань, 1852. № 25; *Его же.* Очерк расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде // КГВ. Казань, 1858. № 26; *Мельников С.Е.* Село Покровское Большая Тояба тож в Тетюшском уезде // КГВ. Казань, 1856. № 38, 39; *Вечеслав Н.Н.* Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. Казань, 1874; *Штилевский С.М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

² *Износков И.А.* Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии, и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. 3. С. 73–84; *Магницкий В.К.* Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. 3 (1880–1882 гг.). С. 160–179; *Его же.* Городище «Пиндерь сырч» и курганы в Ядринском и Курмышском уездах // ИОАИЭ. Казань, 1896. Т. 13, вып. 4. С. 354–373; *Его же.* Два «Хола сече» (городища) в Ядринском уезде // ИОАИЭ. Казань, 1897. Т. 14, вып. 1. С. 101–108; *Его же.* Поездка в Курмышский и Ядринский уезды с археологической целью // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. 14, вып. 4. С. 434–441; *Зайцев И.Я.* Городище в даче села Б. Таяба Тетюшск[ого] уезда // ИОАИЭ. Казань, 1892. Т. 10, вып. 1. С. 112–113; *Архангельский Н.А.* Курганы в Туруновском и Малошатыминском приходах Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1896. Т. 13, вып. 4. С. 287–289; *Его же.* Из археологической экскурсии в 1898 году по Ядринскому уезду // ИОАИЭ. Казань, 1900. Т. 16, вып. 1. С. 72–78; *Его же.* Археологические достопримечательности Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1900. Т. 16, вып. 2. С. 213–225; *Штукенберг А.А.* Материалы для археологии Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. 17, вып. 1. С. 66–67; *Его же.* Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. 17, вып. 4. С. 165–213; *Никитин (Юрчки) И.Д.* Чол-йоп (каменный столб) // ИОАИЭ. Казань, 1907. Т. 23, вып. 4. С. 312–313; *Кротов П.И.* Археологическая поездка // ИОАИЭ. Казань, 1910. Т. 26, вып. 1–2. С. 52–54; *Хамяков М.М.* Материалы по антропологии Востока России // ИОАИЭ. Казань, 1909. Т. 24, вып. 6. С. 497–520; *Его же.* Материалы по антропологии Востока России // ИОАИЭ. Казань, 1910. Т. 26, вып. 3. С. 222–251.

³ *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

⁴ *Хамяков М.М.* Материалы по антропологии ... С. 52–54, 222–251; *Кротов П.И.* Археологическая поездка ... С. 52–54.

⁵ *Ефименко П.П.* Предварительный отчет о работе в Чувашской автономной республике этнологической экспедиции по изучению Среднего Поволжья (август – сентябрь 1926 г.) // Чувашское хозяйство. Чебоксары, 1927. № 1–2. С. 157–160; *Его же.* Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. I. Работы палеоэтнологического отряда в Чувашской республике // СГАИМК. Л., 1929. Т. 2. С. 160–173; *Его же.* Археологические работы среди чуваш // Первый Всечувашский краеведческий съезд. Чебоксары, 1929. С. 56–62, 96; *Смалин В.Ф.* Археологические разведки в Чувашск[ой] республике в 1926 г. // ИОАИЭ. Казань, 1927. Т. 33, вып. 4. С. 15–32; *Третьяков П.Н.* Из материалов Средневолжской экспедиции ГАИМК // СГАИМК. Л., 1931. № 3. С. 3–16; *Его же.* Средневековые городища ЧАССР // СГАИМК. Л., 1932. № 5–6. С. 62–66.

⁶Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья / ЧНИИЯЛИ. Чебоксары, 1948; Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа (До монгольского завоевания) / ЧНИИЯЛИ. Чебоксары, 1948.

⁷Акимов М.С. Отчет об археологических раскопках в Чувашской АССР в 1949 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 343; Её же. Отчет об археологических раскопках в Чувашской АССР в 1950 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 462.

⁸Третьяков П.Н. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // СЭ. М.; Л., 1950. № 3. С. 44–53; Трофимова Т.А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // Там же. С. 54–65; Смирнов А.П. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа // О происхождении чувашского народа / ЧНИИЯЛИ. Чебоксары, 1957. С. 5–27.

⁹УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 29–47, 202–275; Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 3–149 (УЗ ЧНИИ, вып. 19); Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. 25; и др.

¹⁰Смирнов А.П. Чувашская археологическая экспедиция [1958 г.] // КСИА. М., 1961. Вып. 84. С. 125–129; Её же. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. (МИА; № 95); Мерперт Н.Я. Абашевские курганы Северной Чувашии (Раскопки 1957–1958 гг.) // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961. С. 111–156. (МИА; № 97); Её же. Срубная культура Южной Чувашии // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1962. Т. 4. С. 7–21 (МИА; № 111); Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Там же. С. 49–89; Каховский В.Ф. Поселения эпохи бронзы в Чувашии // СА. М., 1962. № 1. С. 152–162; Матвеева Л.П. Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии // СА. М., 1962. № 4. С. 214–219; Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. М., 1965. (Археология СССР. САИ; вып. Д. 1–14); Трубникова Н.В. Городище Ножа-Вар в Чувашии // СА. М., 1965. № 4. С. 144–157.

¹¹Смирнов А.П. Отчет о работах археологической экспедиции 1962 г. о раскопках у д. Малые Собары Красноармейского района // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 663. Инв. № 1936.

¹²Охранные раскопки многослойного поселения Утож I на Суре / Н.С. Березина, А.В. Вискалин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Самарский край в истории России. Самара, 2007. Вып. 3. С. 14–23; Чёрненькое Озеро III – новый памятник каменного века в Среднем Посурье / Н.С. Березина, А.А. Выборнов, С.А. Кондратьев, А.А. Шалапинин // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010. С. 61–75; Ранненеолитическая стоянка Вьюново Озеро I в Среднем Посурье / Н.С. Березина, А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий, А.Ю. Березин // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 195–201.

¹³Каменные орудия балановской культуры / Б.С. Соловьев, К. Карпелан, С.В. Кузьминых, Е.П. Михайлов. Ч., 2015.

¹⁴Раманов Н.Р. Этнография и археология в Чувашской АССР // Записки ЧНИИЯЛИ. Чебоксары, 1950. Вып. 5. С. 200–222; Каховский В.Ф. Изучение археологических памятников в Чувашской АССР за 40 лет // УЗ ЧГИП. Чебоксары, 1961. Вып. 13. С. 161–178; Каховский В.В. Развитие археологии в Советской Чувашии // Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти. Чебоксары, 1980. С. 41–51 (УЗ ЧНИИ; вып. 100); Её же. Вклад В.Ф. Каховского в развитие археологической науки в Чувашии // Вопросы археологии и этнографии Чувашии: Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского / ЧГИП. Чебоксары, 2000.

С. 22–47; *Его же*. Вклад В.Ф. Каховского в отечественную археологическую науку // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: материалы научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 декабря 2006 г. / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. Кн. 1. С. 16–22; *Михайлов Е.П.* Роль В.К. Магницкого в изучении археологических памятников Чувашии // Василий Константинович Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей. Чебоксары, 1989. С. 81–85; *Его же*. Роль Казани и казанских ученых в изучении археологических памятников Чувашии // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитарные традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана»: материалы секции археологии. Казань, 1997. С. 67–72; *Его же*. Археология // Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1930–2000 гг. Чебоксары, 2000. С. 158–170; *Его же*. К 50-летию Чувашской археологической экспедиции // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: Материалы научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 декабря 2006 г. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 5–21; *Его же*. Из истории изучения археологических памятников Алатырского района // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности: Материалы межрегионального научно-практического полевого семинара, Чебоксары, 31 июля – 4 августа 2008 г. Чебоксары, 2010. С. 15–30; *Его же*. Из истории изучения и охраны памятников археологии, истории и культуры Чувашии (XIX в. – 1930-е гг.) // Чувашская археология. Чебоксары, 2012. Вып. 1. С. 5–18; *Его же*. Алексей Петрович Смирнов и археологические исследования в Чувашии // Чувашская археология / ЧГИГН. Чебоксары, 2015. Вып. 2. С. 6–24; *Михайлов Е.П., Кузьминых С.В.* В.Ф. Смолин и Абашево (К истории археологического изучения Чувашии) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы Международной научной конференции, Чебоксары, Россия, 26–30 мая 2003 года / ЧГИГН; ИА РАН; МарНИИ; СИПУ. Чебоксары, 2003. С. 12–34; *Михайлов Е.П., Березина Н.С.* Из истории изучения памятников бронзового века Чувашии // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и Средневековье. Йошкар-Ола, 2004. С. 7–13. (АЭМК; вып. 27); Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. С. 13–17; и др.

¹⁵*Ефименко П.П.* Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 239, 240.

¹⁶*Бадер Н.О.* Отчет о работах палеолитического отряда Куйбышевской экспедиции, проведенных в июле 1957 г. Н. Бадером и В. Пушкарским // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 558. Инв. № 1574. Л. 15.

¹⁷*Старостин П.Н.* Результаты археологических разведок левобережья Волги от пос. Дубовский до с. Кокшамары // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола, 1961. Вып. 16. С. 165–180; *Никитин В.В.* Материалы к атласу археологических памятников Марийской ССР // *Архипов А.Г., Никитина Т.Е.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 2. С. 101–131; *Соколов А.И.* Археологическая разведка Чувашского республиканского краеведческого музея в 1991 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1; № 16167, 16168; *Соколов А.И.* Памятники эпохи неолита в акватории Чебоксарского водохранилища // Исследования П.Б. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск, 1999. С. 56–58.

¹⁸*Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья, М., 1969. С. 96.

¹⁹*Третьяков В.П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР Л., 1972. 136 с

- ²⁰Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. № 29. 1952. С. 173.
- ²¹Никитин В.В. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // Тверской археол. сб. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 224–232.
- ²²Охранные раскопки ...
- ²³Вискалин А.В. Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 228–239.
- ²⁴Культурные процессы в неолите Среднего Посурья / Н.С. Березина, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Сидоров, В.В. Ставицкий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань, 2014. С. 208–210.
- ²⁵Ранненеолитическая стоянка ...
- ²⁶Ставицкий В.В., Юдин С.О. Дискуссионные вопросы изучения каменного века Чувашского Посурья // Поволжские финны и их соседи в древности и Средние века. Саранск, 2011. С. 27–30.
- ²⁷Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья / А.А. Выборнов, К.М. Андреев, А.В. Барацков, М.А. Кулькова, П.М. Кольцов, А.И. Юдин, Т. Джалл, Т. Гослар, М. Ойнонен, Г. Посснерт, Б. Филиппсен // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15, № 5. Самара, 2013. С. 254–260.
- ²⁸Кондратьев С.А. О своеобразии ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Приокшья и Среднего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып. 2, т. 1. С. 147; Выборнов А.А., Кондратьев С.А. Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Известия Самарского науч. центра РАН. Т. 11, № 6. Самара, 2009. С. 282–284.
- ²⁹Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования / Н.Л. Моргунова, А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, Н.В. Скрипкин // РА. 2010. № 4. С. 18–27.
- ³⁰Березина Н.С. О миграционных процессах в неолите-энеолите Поволжья во второй половине IV тысячелетия до н.э. (на примере токсского керамического комплекса стоянки Мукушумская V Чувашского Заволжья) // Чувашский гуманитарный вестник. № 10. 2015.
- ³¹Габяшев Р.С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней и средневековой истории Волго-Камья. Вып. 1. Казань, 1994. С. 30–32; Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур лесного, лесостепного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 3–23.
- ³²Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении гаринско-борской культуры // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2, т. 2. Пенза, 2008. С. 49–57.
- ³³Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.
- ³⁴Архипов Г.А., Никитин В.В. Уржумкинское поселение // Из истории и культуры воловских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. С. 5–41. (АЭМК; вып. 2).
- ³⁵Никитин В.В. Медно-каменный век ...
- ³⁶Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1996. Т. 4. 180 с.
- ³⁷Никитин В.В. Медно-каменный век ...
- ³⁸Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006. С. 31–60.

³⁹Королев А.И. Энеолитические материалы лесостепи и вопросы происхождения средневолжских волосовских и гаринско-борских древностей // Известия Самарского науч. центра РАН. 2012. Т. 14, № 3–1. С. 1256–1264

⁴⁰Михайлов Е.П., Березина Н.С. Из истории изучения памятников эпохи бронзы Чувашии // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и Средневековье Йошкар-Ола, 2004. С. 7. (АЭМК: вып. 27).

⁴¹Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике (Очерк археологических раскопок в 1925 г.). Чебоксары, 1928. 56 с.

⁴²Ефименко П.П. Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. ... С. 170–172.

⁴³Кривцова-Гракова О.А. Абашевский могильник (Раскопки 1945 г.) // КСИИМК. Вып. 17. М.; Л., 1947. С. 92–98.

⁴⁴Третьяков П.Н. Из материалов Средневолжской экспедиции ГАИМК // СТАИМК. № 3. Л., 1931. С. 13.

⁴⁵Баер О.Н. К вопросу о балановской культуре // Советская этнография. 1950. № 1.

⁴⁶Баер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 168 с.

⁴⁷Кривцова-Гракова О.А. Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. Вып. 16. М.; Л., 1947. С. 22–33.

⁴⁸Степанов П.Д. О фатьяновских поселениях // СА. № 2. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 124–136; Степанов П.Д. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР // СА. № 4. М., 1958. С. 200–202; Степанов П.Д. Ош-Пандо / Мордовский НИИ. Саранск, 1967. [211 с.]

⁴⁹Ефименко П.П. Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. ... С. 172–173.

⁵⁰Кривцова-Гракова О.А. Срубная культура в Поволжье // Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955. С. 9–82. (МИА; № 46.).

⁵¹Мерперт Н.Я. Абашевские курганы ...

⁵²Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ 1945–1952 гг. // Труды КФАН СССР. Казань, 1954. С. 35–39.

⁵³Мерперт Н.Я. Абашевские курганы ... ; Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961. С. 43–110. (МИА; № 97).

⁵⁴Саловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. С. 60–63; Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 2006. С. 27–38.

⁵⁵Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2. М., 1958. С. 45–156. (МИА; № 61).

⁵⁶Халиков А.Х. Древняя история ... С. 209–239.

⁵⁷Каховский В.Ф. Чурачакский курган в Чувашии // СА. 1963. № 3. С. 169–177; Молодин В.И., Пряхин А.Д. Евразийская лесостепь в эпоху средней-поздней бронзы (некоторые проблемы) // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998. Вып. 11; Большов С.В. Лес и лесостепь: к проблеме контактов населения различного хозяйственно-культурного типа (на примере археологических культур неолита-бронзы севера Среднего Поволжья) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/les-i-step-k-probleme-kontaktov-naseleniya-razlichnogo-hozyaystvenno-kulturnogo-tipa-na-primere-arheologicheskikh-kultur-neolita-bronzy> (дата обращения: 25.01.2016).

⁵⁸Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 2006. С. 23–27.

⁴⁹Там же

⁶⁰Соловьев Б.С. Бронзовый век ... С. 25–28

⁶¹Краснов Ю.А., Трубникова Н.В., Зубарева В.М. Поселение эпохи бронзы в низовьях р. Суры // КСИА. Вып. 134 М., 1973. С. 81–90.

⁶²Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 227–262; *Ее же*. Отчет о разведочных археологических работах, проведенных в 1955 г. у д. Криуши Чувашской АССР // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14. С. 162–195.

⁶³Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. Вып. В 1–24. М., 1980. С. 106.

⁶⁴Халиков А.Х. Приказанская культура. С. 23–38; *Его же*. Древняя история ...

⁶⁵Соловьев Б.С. Бронзовый век ... С. 74–75.

⁶⁶Там же. С. 60–63; *Большов С.В.* Лесная полоса ... С. 27–38.

⁶⁷Кожин П.М. Аттикасинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и Средневековье Волго-Камья. Казань, 2004. С. 88–95.

⁶⁸Соловьев Б.С. Бронзовый век ...

⁶⁹Большов С.В. К вопросу о фатьяновско-балановской культурно-исторической общности // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-fatyanovsko-balanovskoy-kulturno-istoricheskoy-obschnosti> (дата обращения: 19.01.2016).

⁷⁰Соловьев Б.С. Бронзовый век ... С. 25–26.

⁷¹Ставицкий В.В. Чирковская культура // Археология Мордовского края: каменный век, эпоха бронзы. Саранск, 2008. С. 166.

⁷²Оторощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003. С. 68–84.

⁷³АЭМ ЧГПУ.

⁷⁴Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М., 1952. 319 с. *Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1985; *Лыганов А.Е.* Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с.

⁷⁵Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья. Елабуга, 2009. (Серия АЕС; вып. 8). С. 32; *Чижевский А.А.* Е.А. Халикова и проблемы хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001. С. 30–36.

⁷⁶Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир ... С. 31.

⁷⁷Соловьев Б.С. Бронзовый век ... С. 73–75.

⁷⁸Михайлов Е.П. Из истории изучения памятников городищской культуры на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 51–64.

⁷⁹Спицын А.А. Городища дьякова типа // Зап. отдел. русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. 5, вып. 1. СПб., 1903. С. 114–142.

⁸⁰Городцов В.А. Результаты археологических исследований 1898 года, произведенных на берегах р. Оки, в пределах Рязанской области // АИЗ. Вып. 7. М., 1900. С. 193–194; ОАК 1908. С. 16.

⁸¹Датировки памятников раннего железного века были омоложены из-за представлений о хронологии того времени

⁸²Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Т. 25. 1901. С. 23–24.

⁸³Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир ...

⁸⁴Михайлов Е.П. Из истории изучения ...

⁸⁵Ефименко П.П. Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. Работы палеоэтнологического отряда в Чувашской республике // СГАИМК. Т. 2. Л., 1929. С. 166–167.

⁸⁶Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории ... С. 52.

⁸⁷Ефименко П.П. Рязанские могильники: опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. 3, вып. 1. Л., 1926. С. 83–84; *Его же*. Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. С. 170; *Третьяков П.Н.* Рязанские могильники ... С. 53–56.

⁸⁸Ефименко П.П. Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. ... С. 169–170

⁸⁹Платонова Н.И. История археологической мысли в России, вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010. С. 180–188, 253–259

⁹⁰Ефименко П.П. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н.э. по археологическим источникам // СА. Вып. 2. М., 1937. С. 45–47; *Смирнов А.П.* О возникновении государства волжских булгар // Вестник древнейшей истории. М., 1938. № 2. С. 103–105; *Третьяков П.Н.* Некоторые вопросы этнологии восточного славянства // КСИИМК. М.; Л., 1940. С. 15; *Трубникова Н.В.* Племена городецкой культуры // Археологический сборник. М., 1953. С. 63–96. (Труды ГИМ; вып. 22).

⁹¹Михайлов Е.П. Из истории изучения ...

⁹²Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. С. 121. (МИА; № 95). *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура. М., 1965. 40 с. (САИ; вып. Д1–14).

⁹³Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура.

⁹⁴Каховский Б.В. Итоги археологических работ 1979–1980 гг. в Чувашской АССР // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1982. С. 45–46.

⁹⁵Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. 1952. 326 с. (МИА; № 30). *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977. 266 с.

⁹⁶Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир ... С. 30.

⁹⁷Стащенко Д.А. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20–22.

⁹⁸Там же.

⁹⁹Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009. С. 7–9. (Археология евразийских степей; вып. 7).

¹⁰⁰Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МАЭ. Т. 2. Йошкар-Ола, 1962. С. 133–138

¹⁰¹Каховский Б.В., Ильина Е.В. Новые исследования Чурачикского могильника в 2001 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары. 2003. С. 172, 195–196; *Каховский Б.В.* Археологические исследования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева на Чурачикском могильнике в 2002–2003 годах // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары. 2006. С. 202.

¹⁰²Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир ... С. 30–31.

¹⁰³Там же.

¹⁰⁴Там же. С. 34.

¹⁰⁵ГИМ. Инв. № 96073, 87100.

¹⁰⁶ГИМ. Инв. № 96073. АЭМ ЧГПУ; АФ ЧГИГН; *Патрушев В.С.* Начало эпохи раннего железа в Марийском крае: учеб. пособие. Йошкар-Ола, 1986. С. 19–25.

¹⁰⁷Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Анабинский мир ... С. 34.

¹⁰⁸Патрушев В.С. Начало эпохи ... С. 36, 42, 118.

¹⁰⁹Каховский В.Ф. Чурачикский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. Чебоксары, С. 73–98; Каховский Б.В., Ильина Е.В. Новые исследования Чурачикского могильника в 2001 году; Каховский Б.В. Археологические исследования ...

¹¹⁰ГИМ. Инв. № 96073, 99584, 97849, 97851, 97882, 97095. ЧКМ 9316. АФ ЧГИГН.

¹¹¹Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура ...

¹¹²От аккозинской ее отличают толстостенность и плоские днища, а от городской – отсутствие рогожных отпечатков.

¹¹³Единственным территориально близким памятником, в котором был найден сосуд с псевдорогожными отпечатками, является Андреевский курган 2, однако время его возведения не совсем ясно (Гришаков В.В., Зубов С.Э. Указ. соч. 2009. Рис. 34: 2. С. 54–56).

¹¹⁴Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. С. 258; Марков В.Н. Антоновское городище (О поздней дате существования «текстильной» керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камья) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 102–103. (АЭМК; вып. 21). Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984. С. 202.

¹¹⁵Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011. С. 221–223; Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С. 104; Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевско-ключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья. С. 76. (Археология евразийских степей; вып. 8); Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Казань, 2009. С. 92–105, Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... С. 72–74; Румянцева О.С. Керамика центральной группы могильников. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. С. 252–253. (РСМ; вып. 9).

¹¹⁶Мясников Н.С. Современное состояние изучения археологических памятников I–VIII вв. н.э. в Чувашском Поволжье: итоги и перспективы // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 69–77.

¹¹⁷Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского Лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. М., 2005. (РСМ; вып. 7); Его же. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры. С. 23–29.

¹¹⁸Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII вв. н.э. в свете археологических данных. Чебоксары, 2013. 72 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 13).

¹¹⁹Зубов С.Э. Военские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. С. 14–15.

¹²⁰Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.Р. К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. С. 273. (РСМ; вып. 9); Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2, т. 2. Пенза, 2008. С. 99.

¹²¹Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2001. С. 187–207; Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре. С. 99, 103–105. Сендимиркинский могильник – новый памятник первой четверти I тыс. н.э. в северной части Сурско-Сви-

яжского междуречья / В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов, Е.П. Михайлов, Н.С. Мясников, О.В. Седышев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань, 2014. С. 320–323.

¹²²Шитов В.Н. Расселение мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Саранск, 2000. Рис. 4. С. 60.

¹²³Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Труды МАЭ. Т. 5. Йошкар-Ола, 1999. С. 39–41; Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.Р. К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников. С. 274–275; Ахмедов И.Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: Мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2012. № 3. С. 107–123.

¹²⁴Археологическая карта Чувашской Республики: в 3 т. Чебоксары, 2013–2015.

¹²⁵По исследованиям последних лет Н.С. Мясникова и Л. Вязова, в окрестностях г. Алатырь выделено несколько городищ и селищ, керамический комплекс которых отличается как от древнемордовских, так и от именьевских памятников.

¹²⁶Описание С.Е. Мельниковым Большетаябинского городища в 1856 г.

¹²⁷Штилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877. С. 504–548

¹²⁸Фахрутдинов Р.Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1975. С. 175. (Археология и этнография Татарии; вып. 1).

¹²⁹Ефименко П.П. Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. ... С. 168.

¹³⁰Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории ... С. 60–61.

¹³¹Там же. С. 62–63.

¹³²Найденную на Калугинском городище хулашскую керамику бронзового века он ошибочно отнес к Средневековью, болгарам, вызвав в дальнейшем путаницу, отнесение этого городища к числу болгарских памятников (А.П. Смирнов, В.Ф. Каховский).

¹³³Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории ... С. 65–69.

¹³⁴Там же. С. 62–63.

¹³⁵Смирнов А.П. Древняя история ... С. 25.

¹³⁶Смирнов А.П. Железный век ... С. 136.

¹³⁷Там же. С. 138–140.

¹³⁸Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники Средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники Средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 134–151.

¹³⁹Каховский В.Ф. Булгарские памятники на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 22–23. (Труды / ЧНИИ).

¹⁴⁰Здесь в 1950–1960-х гг. был открыт ряд новых памятников по рекам Була, Бездна и др. (Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники Средневековья Чувашского Поволжья. С. 116).

¹⁴¹Каховский В.Ф. Булгарские памятники ... С. 160–164.

¹⁴²Там же. С. 159.

¹⁴³Там же. С. 160.

¹⁴⁴Смирнов А.П. Железный век ... С. 140–151.

¹⁴⁵Там же. С. 151–157

¹⁴⁶Там же. С. 161–163.

¹⁴⁷Каховский В. Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Труды / ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары, 1978.

¹⁴⁸Каховский В. Ф. О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары. 1980. С. 35–50; *Его же*. Булгарские памятники на территории Чувашии. С. 23–24.

¹⁴⁹Старые Чебоксары: археология, история, топонимика. Чебоксары, 2012. 191 с.

¹⁵⁰Хлебникова Т. А. Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 90–92; *Фахрутдинов Р. Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР. С. 175–201; *Смирнов А. П., Корнилов Г. Е.* Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья // История и культура Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 481–517; *Каховский В. Ф., Смирнов А. П.* Памятники Средневековья Чувашского Поволжья. С. 62–64; Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А. П. Смирнова) / А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Е. А. Халикова, А. Г. Петренко // СА. 1974. № 1. С. 265–274; *Краснов Ю. А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3; *Хузин Ф. Ш.* О некоторых проблемах булгарской археологии в аспекте этногенеза чувашского народа // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара. Чебоксары. 2012. С. 37–45.

¹⁵¹Хлебникова Т. А. Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР. С. 90–92; *Фахрутдинов Р. Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР. С. 181–190; *Краснов Ю. А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3. С. 119–120.

¹⁵²Фахрутдинов Р. Г. О степени заселенности ... С. 201.

¹⁵³Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Памятники Средневековья ... С. 159.

¹⁵⁴Краснов Ю. А. Проблема происхождения ... С. 120–123.

¹⁵⁵Краснов Ю. А., Каховский В. Ф. Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 160–165.

¹⁵⁶Краснов С. А. Этническая карта Чувашии периода Золотой Орды (XIII–XIV вв.) (по археологическим данным) // Проблемы генезиса народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С. 53–57; *Семенов С. А., Федюлов М. И.* Чувашское Поволжье в эпоху Золотой Орды // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 184.

¹⁵⁷Хузин Ф. Ш. О некоторых проблемах ...

¹⁵⁸Воробьева Е. Е., Макарова Е. М., Никитина Т. Б. Анаткасинский могильник: предварительные итоги археологического и антропологического исследования // Доклад на VI Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова, г. Болгар, 26–30 сентября 2013 г.; *Мясников Н. С.* Полевые записи; АФ ЧГИГН.

¹⁵⁹Никитина Т. Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII в.) по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992. С. 91–92.

¹⁶⁰Кокорина Н. А. О керамике болгарского типа средневековых Чебоксар // Старые Чебоксары. Чебоксары, 2012. С. 128.

¹⁶¹Смирнов А. П. Древнейшее население на территории Чувашии (первобытно-общинный строй) // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 5–49.

¹⁶²В Чувашии пока нет материалов, достоверно датированных VIII в.

¹⁶³Никитина Т. Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica, 2005–2006. № 9. С. 114–130.

¹⁶⁴Руденко К.А. Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2006. С. 349–355.

¹⁶⁵Краснов Ю.А. Проблема происхождения ... С. 119.

¹⁶⁶Хузин Ф.Ш. О некоторых проблемах ... С. 41.

¹⁶⁷Каховский Б.В. Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чувашаи Чебоксары, 1984; Никитина Т.Б. Марийцы — С. 87; Краснов С.А. Этническая карта ... С. 56.

¹⁶⁸Третьяков П.Н. Происхождение чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. № 3. 1950. С. 44–53; Краснов Ю.А. Проблема происхождения ... С. 112; Хузин Ф.Ш. О некоторых проблемах ... С. 37.

¹⁶⁹Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чувашаи. Чебоксары, 1984. С. 36–41.

¹⁷⁰Насыри К. Материалы по археологии (о селениях Свияжского уезда) // Избранные произведения. Казань, 1977. С. 41–67.

¹⁷¹Вискалин А.В., Мясников Н.С. Этнокультурная ситуация на западной границе Волжской Болгарии в золотоордынское время (по материалам археологических исследований многослойного поселения Утож II) // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие. Чебоксары, 2012. С. 130. (Тюркские племена и государства Евразии в древности и Средние века: вып. 1); Мясников Н.С. Исследование средневекового Утожского поселения в Среднем Посурье в 2011–2012 гг. // Чувашская археология. Вып. 2; Шитов В.Н. Расселение мордвы ...; Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 2. Чебоксары, 2014. С. 156. № 1628.

¹⁷²Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1. Чебоксары, 2013. С. 119. № 347.

¹⁷³Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья) // ПА. 2013. № 4 (6); Федюлов М.И. Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии Чебоксары, 2009. С. 104–114; Вискалин А.В., Мясников Н.С. Этнокультурная ситуация ... С. 130; Мясников Н.С. Исследование средневекового Утожского поселения в Среднем Посурье в 2011–2012 гг.

¹⁷⁴Михайлов Е.П. Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 323.

¹⁷⁵Федюлов М.И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 53–55.

¹⁷⁶Михайлов Е.П. Золотоордынский ... С. 3–4.

¹⁷⁷Ефименко П.И. Средневожская экспедиция 1926–1927 гг. ... С. 165–166.

¹⁷⁸Акимов М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23. М., 1955. С. 78–92.

¹⁷⁹Каховский Б.В. Дохристианский погребальный культ чувашского населения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 23 с.

¹⁸⁰Шикаева Т.Б. Памятники XVI–XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985. С. 108–190. (АЭМК; вып. 9).

¹⁸¹Там же.

¹⁸²Дроздова Г.И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX веков: по археологическим и этнографическим материалам: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 27 с.

¹⁸³ Федулов М.И. Этнокультурные компоненты ... С. 53.

¹⁸⁴ Краснов С.А. Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем Средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения), 2007. С. 275–276.

¹⁸⁵ Там же. С. 277.

¹⁸⁶ Там же. С. 277–278.

¹⁸⁷ Федулов М.И. Этнокультурные компоненты ... С. 53–60.

¹⁸⁸ Тем более татары живут по соседству.

¹⁸⁹ Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1–3. Чебоксары, 2013–2015.

¹⁹⁰ Каховский В.Ф. Булгарские памятники ... С. 26–27.

¹⁹¹ Мухаметшин Д.Г., Михайлов Е.П., Иванов В.Н. (Алмантай) Эпиграфические памятники Чувашии // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие. Чебоксары, 2012. С. 73–74. (Тюркские племена и государства Евразии в древности и Средние века: вып. 1).

¹⁹² Там же. С. 74.

¹⁹³ Березина Н.С., Харитонов В.Г., Ефремова Д.Ю. Предварительные итоги изучения болгаро-чувашского Шинерпосинского святилища в округе города Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки) // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. Чебоксары, 2013. С. 61.

¹⁹⁴ Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Ремесленный поселок Сават-Ту в Центральной Чувашии // КСИА. Вып. 129. М., 1972. С. 106–109.

¹⁹⁵ Спрыжков Д.В. Раскопки металлургического горна в Чувашии в 2010 г. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 186–187. Автором исследования этот комплекс был интерпретирован как металлургический – для выплавки железа из болотной руды. Датировка комплекса XIV–XV вв. была приведена по одной монете, найденной рядом. Однако стратиграфических и планиграфических доказательств связи этой монеты с комплексом не обнаружено. Раскопки горнов не выявили археологического материала, позволяющего их датировать. Аналогии с горнами г. Болгара приведены автором некорректно: их размеры, формы и археологический контекст не соответствуют вышеописанным. Признаков металлоплавки (металлические всплески, остекленевшие капли и т.д.) не обнаружено. За болотную руду автором ошибочно приняты известковые туфы, обнаруженные в заполнении сооружений.

¹⁹⁶ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксар, 1993. С. 166.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
АРХЕОЛОГИЯ ЧУВАШИИ: ВЕХИ РАЗВИТИЯ	4
Первый этап	4
Второй этап	4
Третий этап	6
Четвёртый этап	7
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ: КУЛЬТУРНО- ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	8
Археология каменного века	8
Археология энеолита (медно-каменный век)	13
Археология бронзового века	15
Археология раннего железного века и I тысячелетия н.э.	23
Археология Средневековья	30
Археология Нового времени (XVII–XIX вв.)	37
ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	43
СОКРАЩЕНИЯ	49
ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ	51

Научные доклады
Выпуск 22

МИХАЙЛОВ Евгений Петрович
БЕРЕЗИНА Наталия Степановна
МЯСНИКОВ Николай Станиславович

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2015 год

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Оригинал-макет *Л.Н. Сапоговой*

Подписано к печати 25.12.2015. Формат 60х84 1/16
Печать оперативная. Бумага офсетная
Гарнитура Times. Физ. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,1
Тираж 100 экз. Заказ № 23.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29. корп. 1

58. 2

